

Леонид Алексеев
Главный герой
Рассказы

18+

Леонид Алексеев
Главный герой.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42238445

SelfPub; 2019

Аннотация

Какие маски надевает главный герой, какие роли он играет? Он человек, предмет, животное? Выдуман или взят из жизни? Что он чувствует, кого любит, о чём думает? Он смешон, нелеп и часто жалок, но всегда интересен. Что и попытался передать автор в весёлых, и не очень, рассказах и байках. Обложка автора.

Содержание

Экшен	5
Стоппи	7
Женские секретки	12
Могучие плечи	13
ГГ	14
Легенда синей бездны	17
Левкас	20
Коварство	21
Плохая латынь	23
Большой вес	29
Хвосты и гривны	31
Тёплый ветер	39
Родина	41
За околицей детства	42
Навигатор	48
Несгоревший	50
Колодец	52
Овсянка	62
Пиар	65
Дед Мороз	70
Керосинка	73
Берега	75
Сила красоты	100

Мормышки

102

История

104

Экшен

Первый день на настоящей работе. В напарниках у Тиныча. Он – легенда. Сидим в прокуренной комнате на промятом диване. Оба в одинаковых жёлтых куртках. Вид, по правде, дурацкий. В карманах – Беретты. Рядом журнальный столик. На нём металлический чемоданчик с наркотиками.

– Ты, главное, меня слушай и не бзди. Всё будет в рамках, – хриловатым басом шепчет Тиныч.

Раздаётся хлопок. Тиныч вскакивает, выхватывает ствол и оказывается у двери. Я с чемоданом за ним, прижимаюсь к стене. Он встаёт на одно колено, приоткрывает дверь и дважды стреляет в коридор. Слышно, как падает тело.

– Давай бегом! – Тиныч бросается в коридор.

Бегу за ним. Сзади топочут преследователи. Мелькают деревянные грязные двери. Налево. Останавливаюсь и стреляю вдоль стены. Один падает. Ещё коридор. В торце – окно.

– Не стой! Надо делать все с первого раза, тогда работа будет и деньги! – Тиныч сходу наваливается на раму и вылетает вместе с ней. Прыгаю следом. Летим. Сзади слышны выстрелы и крики. Ров с водой всё ближе. Зажмуриваюсь. Вылезаю. Тиныча уже атаковали три парня. На секунду засмотрелся на него – двойка корпус – голова, нырок, хук – и тут же получаю удар. Падаю. Надо мной огромный детина:

– Ты чего?

– Бей его! – орёт Тиныч.

Рядом оказался кусок трубы. Хватаю и бью здоровяка наотмашь по голове.

– Сука! – взвизгивает громила.

Тиныч уже отделал своих и бежит к машине. Заводит, разворачивается. Запрыгиваю на ходу и мы скрываемся за углом здания, из которого выпрыгнули.

Возвращаемся в комнату. Режиссёр с оператором просматривают отснятый материал.

– В рамках? – спрашивает Тиныч.

– Так себе, – морщится оператор. – Напарник твой растерялся.

Вдруг слышу из коридора: «Где этот идиот?» Выглядываю. Тот, которого я трубой стукнул, бежит ко мне. Проход перекрыл. Ну, нет, дудуки! Я теперь знаю путь! Бегу по коридору. Направо. Ещё коридор. Окно. Надо же, уже вставили. Влетаю в раму. Впустую. Как это у Тиныча получается? Разбиваю стекло и кое-как выпрыгиваю. Порезался. Ну и глаза у чувака. Что он кричит? Смотрю через плечо: «Твою мать! Где ров с водой? А-а-а!»

Стоппи

В тот год я за весь чемпионат не забил ни одного мяча. Центрфорвардом меня ещё держали, помня прежние заслуги, но уже пошли разговоры и слухи о моей замене. Выходить на поле просто «для мебели», с каждым матчем становилось всё мучительнее. Неуверенность, как удав, сковывала движения. Но ребята и без меня довели дело до «золотого матча». «Кардан» отставал от нас на одно очко, и в последнем туре нам хватало ничьей, чтобы досрочно стать чемпионами.

За день до игры «шофера» приехали на наш стадион провести тренировку. Не помню уже, чего я там ошивался, но в вестибюле мы столкнулись с их основным вратарём Витей Шестых. Он пару лет играл за нас, но переметнулся, узнав, что к «Кардану» менеджеры профессионалов присматриваются особенно внимательно. Поговаривали, что по итогам чемпионата его могут пригласить в «Спарту». Шестых шёл уверенной походкой, держа под мышкой мотоциклетный шлем. Я поздоровался. В ответ Витя кивнул мне с надменной ухмылкой: «Тебе к сессии разве не надо готовиться?» Занимайся мы фехтованием, это называлось бы «туше». Сколько экзаменов я сдал самостоятельно за четыре года учёбы? Да нисколько. И теперь, вылетев из команды, с универом придётся распрощаться.

Я купил стаканчик кофе и отправился на улицу, заведя через стеклянную стену фойе двух девчонок с нашего потока. Не успел я выйти, как с ними поравнялся мотоцикл Вити. Притормозил, поднял заднее колесо в воздух и пару секунд балансировал на переднем. Как назывался этот трюк, я не знал, но успел подумать, что вот и я так же: вперёд не двигаюсь, и сойти не могу, а ошибись на градус... Тут мотоцикл, вместо того, чтобы опуститься обратно, завалился вперёд и припечатал Витю к асфальту. Он было вскочил, но тут же согнулся, держась за правую руку. Девочки, хихикая и нашёптывая друг другу на ушко, прошли мимо, покачивая короткими подолами юбок-плиссе. Не помню, улыбался ли я открыто, но радовался и надеялся, что у Вити перелом. Хорошего запасного вратаря они ведь так и не нашли. Помогая Вите поднять мотоцикл, я разглядел, что его правое запястье начинает синеть, и он еле-еле шевелит пальцами. С такой рукой он уже не игрок.

– Ну что, встретимся в следующем сезоне? – не удержался я. – А уж по пустым воротам мы как-нибудь не промахнёмся.

Но Шестых, видно, о моих бедах тоже знал:

– Да ты в пустые хоть попади! – осклабился он и тут же сморщился от боли, прижимая к животу ушибленную руку.

«Опять мне полкорпуса не хватило!» – сожалел я, что не удалось «размазать» Витю. Плевать! Главное, на игре его не будет.

Но я ошибся. Назавтра Витя значился основным вратарём

в заявочном списке. Первым порывом хотелось пойти к их тренеру и прояснить ситуацию. Но я сдержался, поняв, что так даже лучше. Теперь я знаю, что бить надо в правую сторону ворот. Шестых инстинктивно будет щадить руку, и у меня есть все шансы. А тут ещё, весьма кстати, меня заявили не центральным, а крайним левым нападающим.

Всю игру я как заведённый пробивался через защиту «шоферов». Но то ли они знали о травме своего вратаря, то ли я от усердия много ошибался. Словом, никак не мог прорваться к воротам. А уж когда они открыли счёт, я почувствовал, как уныние навалилось мне на плечи.

Матч шёл к концу. В глазах соперников поблёскивали три победных очка. Шестых, наверное, мысленно уже примерял форму «Спарты». На последней минуте, получив мяч из глубины нашей обороны, я начал атаку. Обменялся пасами с центральным и неожиданно легко оказался у чужой штрафной. Защитники замешкались и я, проскочив между двумя из них, добежал уже почти до линии вратарской. Но удар сзади по ногам меня подкосил. Кувырок и я лежу на газоне. Свисток. Приподнял голову и посмотрел на судью. На него посмотрели все. Весь стадион молча ждал.

Пенальти! Я вскочил и бросился к нашему капитану.

– Даже не думай! – отрезал он. – Ты представляешь, что стоит на кону!

– Представляю! – Терять мне было нечего. – Но я уверен и знаю, что делать!

Капитан прищурился и осмотрел меня с явным сомнением. Но мы начинали вместе, и в лучшие времена он всегда мне доверял. Секунд пять он помолчал и мотнул головой в сторону мяча, застывшего на одиннадцатиметровой отметке.

И вот мы с Шестых стоим друг напротив друга, как вчера у мотоцикла. Вижу, Витя правую руку держит не так свободно, как левую – болит, значит. Вот он мой шанс! Судья дал свисток. Осталось только посильнее ударить.

Но тут вдруг, разглядев пустоту ворот за спиной вратаря, я почувствовал такую же пустоту в душе. Все перегорело. И неприязнь к Шестых, и желание выиграть любой ценой, и страх уйти из команды. Я понял, что сейчас на кону не наше чемпионство на один год, а то, чем я заполню пустоту своего сердца на всю жизнь. Цвета вокруг потускнели и затихли звуки. Только моё дыхание дрожало, как стрелка весов судьбы, ожидая на какую из чаш упадёт моя совесть.

Помню, даже не стал разбегаться. Подошёл и пнул мяч, целясь во вратаря.

Что произошло в тот миг, я осознал не сразу. Как только моя бутса коснулась мяча, Витя бросился вправо словно готовился к этому прыжку всю жизнь. Упал, схватился за больную руку и застонал. Мяч лениво пересёк линию ворот и уткнулся в сетку.

Потом было много радости. Меня качали. Мы стали чемпионами. Но из команды я всё равно ушёл. Сдал сессию. На тройки, но сам. Тем же летом поехал в стройотряд и зарабо-

тал на мотоцикл. Но ставить его на переднее колесо так и не научился. Стоппи это называется.

Женские секретки

Совсем ещё молоденькая, но уже замужняя, женщина возвращается домой, плюхает набитую снедью тряпочную сумку с длинными ручками на кухонный стул, садится рядом на табурет, закидывает ножку на ножку, выставляя напоказ розовые колени, и, пока её муж нетерпеливо выгружает продукты, кладет ладошки на стол, разглядывая растопыренные пальчики:

– Не, прикинь, шас мужик в магазине спрашивает: "Девушка, сколько стоит Ваш маникюр?"

– Фига се, борзёж! А ты чё?

– Я ему: «Я б ещё поняла, если б девушка спросила, но от Вас такой вопрос... Странно».

– Гы. А он чё?

"Просто, моя тоже, – крик, – делает такой, но не говорит сколько стоит."

– Я грю: «Маленькие женские секретки. Вам лучше не знать». И ушла. Ха-ха, скажешь ему, он потом всю ночь спать не будет.

Муж, так и не найдя в сумке пива, задумывается:

– М-да?! Хм... А сколько стоит твой маникюр?

Могучие плечи

У Галины Харитоновны, женщины под семьдесят и ростом сто шестьдесят, были могучие плечи. Во всяком случае, так говорил ее зять. Стоило ему или ее дочери придумать очередной фантастический план, как ей говорилось: "Мама, часть забот ляжет на Ваши могучие плечи". Естественно, через пару дней заботы обрушивались на Галину Харитоновну всей тяжестью. Очередным испытанием для старушки стали два кобеля-алабая. Первый месяц она еще справлялась с ними. Но потом, так называемые, щенки стали справляться уже с ней. И вот как-то раз поутру Галина Харитоновна зазевалась на крыльце. С зятем заговорила. И неосмотрительно оба поводка в одну руку взяла. А собаки возьми и рвани вперед. Зять инстинктивно схватил тещу за вторую руку. Словом, вывихнули ей оба могучих плеча. В травматологии врач спрашивает:

- Кто же это Вас так?
- Зять, Дара и Атас.
- А это кто такие?

Галина Харитоновна подняла страдальческие глаза:

- Соба-а-аки!

ГГ

– Эй, ты здесь?

– Здесь я! Здесь! Где ты был так долго?

– Не твоё дело!

– Да? Ну ладно. Только сделай из меня кого-нибудь уже.

Устал я тут один, в темноте. Без лица и голый. Даже не знаю, устал, устала или устало... Давай, определись скорей!

– Спокойно! Мне всего-то нужно домашнее задание сделать. Это ненадолго, собственно.

– Да мне плевать! Хоть домашнее, хоть уличное! Я тебя жду-жду, а ты мне тут начинаешь!

– Так, тихо! Ты кто такой вообще, чтобы грубить мне, а?

– Ну, да... Я никто. Так и сделай, чтобы я стал кем-то, или даже о-го-го кем. Можно прям и начать с о-го-го. Ты же можешь, я знаю. М?

– Не могу, вот, оказывается. Мог бы, давно б сделал.

– Тю, тоже мне, автор называется. Чего тогда пришел, чего зовешь? Душу только растравил. Без тебя лучше было, вот!

– Ха, лучше ему без меня! Нет, вы послушайте эту резиновую куклу! Да у тебя даже размер ноги будет такой, какой я скажу. Не говоря уже про нос, цвет глаз, длину...

– Да, да, ладно. Один – ноль. Но...

– Ага, и падать у меня будешь только на бетон. И в яму со львами я тебе пистолетик не положу. И...

– О, ка-айф! Что, правда яма со львами будет?

– Похоже, что у нас с тобой вообще ничего не будет.

– Ух, зануда! Ты, кстати, знаешь, тоже не очень-то. Ты ж без меня никуда. Я у тебя в башке крепко сижу. Ты еще не знаешь, ни как я выгляжу, ни чем буду жить, а я уже есть! Я же твой «гг», как вы, авторы, меня называете. Но ты присмотришься получше-то. Не такое уж я г... Уж, во всяком случае, не двойное. Впрочем, хороший автор из любого многократного г... повидло сделает. Но мне, знать, не судьба...

– Это что сейчас был за монолог?

– Хе... Как его? Монолог главного героя. Глядишь, ещё в школах наизусть будут учить! Когда литературой занимались мужики, которые знали, что со мной делать, у меня почти в каждом произведении монолог имелся. Так что, один – один, типа.

– Ты болельщик, что ли? Или играл за «Динамо»?

– Могу и болельщиком, если надо! Есть идея?

– Идеи есть, не дрейфь. Но сейчас, просто побудь самим собой!

– Да кем собой-то?! Я ж никто! Дай мне меня, я и побуду. И собой, и тобой могу, кстати. Только без злоупотреблений попрошу! Начнёшь, мол, ты – это я... А я – это я, хоть и я – это ты.

– Нет-нет, сейчас ты – это ты. Ты – мой герой. Серый, резиновый, без лица, но герой! Просто посиди здесь и подожди, пока про тебя прочитают.

– Прочитают? Серьёзно? Про что? Про то, что я – никто, а ты – это я?

– Так, давай-ка, фильтруй! Я про себя и сам всё знаю.

– Ага, ха-ха, начни сочинять про меня и про себя такое узнаешь, что каждого потом будешь убеждать: «Он – это не я!». Чтоб кто-нибудь, паче чаяния, не догадался... кто из ху.

– У тебя всё?

– Хм. Да. Ладно. А ты вернёшься?

– Вернусь, вернусь!

– И яма со львами будет?

– Будет.

– И болельщики?

– Да.

– И...

– Ну уж ясен пень!

– Ладно, давай. Только ты это... не долго!

– Я мигом! Ты – супер! Пока!

Легенда синей бездны

– Мама, почему не все отправились с нами на север?

– Они ушли, чтобы принести Великую жертву.

– А что это такое?

– Пожалуй, тебе уже пора знать. Вот послушай:

«Во времена, когда скалы были молодыми, собрались великие племена Одо и Мисти на совет. Пришедшие кружили вокруг старого горбатого Мега из племени Мисти, и он молвил:

– Уже как хозяйка входит смерть в наш мир через Сапи. Сапи менее всех приспособлен к жизни. Сила его в уме. Но чем острее ум и глубже знания, тем шире границы подлости Сапи и его черствости. Все ловчее обращается он с оружием, и все искуснее становится он в науке убийства. А потому, как только он узнает о нас, будет убивать всех подряд. Ни детей, ни матерей щадить не станет. И раз уж заведено от начала, что воевать мы с ним не можем, мы должны принести жертву: отдать Сапи некоторых из нас.

– Так Сапи же сразу о нас узнают! – засуетились крошки Капа и Коги.

– И кого именно будем отдавать? – В вопросе хитрого Эшри читалось: «Кто сделает этот выбор?»

Могучий Бала молча вздохнул.

– Думаешь, старый Мег, такая жертва насытит Сапи? –

прогремел южный гигант Юба.

– Нет, так нельзя, я против! – выпалил юный Орчи из племени Одо. – Надо сражаться! Сапи маленькие и слабые, им не победить нас. Я дам им отпор! Я стану первым нападать, где бы их ни встретил.

– К сожалению, это не вопрос победы, а вопрос сосуществования для достижения высшей цели, – попытался объяснить старый Мег. – Не нами заведен такой порядок, но, в отличие от них, мы знаем его истоки, а Сапи заблудились. И спасаем мы больше их, чем себя.

– Прощайте! – выпалил юный Орчи и ушел, уводя за собой свою семью.

– Боюсь, ты прав, старый Мег, – прогудел могучий Бала, – иначе дела не решить. Но одного раза будет недостаточно. Приносить жертву придется постоянно, пока мы живем с ними в одном мире.

Старый Мег кивнул:

– Ты понял и сам сказал это, Бала. Нам еще предстоит понять, кто же возьмет на себя этот подвиг...

На том они и порешили. Сапи были очень довольны. Им хватало тех, кто принес себя в жертву. Но юный Орчи сдержал слово: стал нападать на Сапи. Ненасытность Сапи, подогреваемая жаждой мести, привела к боине. Великие племена снова собрались на совет. Гигант Юба рассказал, что крошки Капа и Когги погибли, а их семьи почти полностью истреблены. Пришел и юный Орчи, повинился перед старым

Мегом и перед всеми и сказал:

– Я пойду следующим.

С тех пор некоторые из нас, кто острее других чувствует ответственность за жизнь великих племён, уходят, чтобы найти свой берег».

В сумерках тесного прокуренного портового бара с дощатыми столами и закопченной лампой над замызганой стойкой хриплый динамик старенького телевизора с выцветшим экраном вещал последние новости: «Сегодня на северо-западном побережье десятки китов выбросились на берег. Это явление пока не нашло научного объяснения. Ученые продолжают изучать физиологию китов и строят гипотезы, пытаясь объяснить, с какой целью морские млекопитающие совершают массовые самоубийства. Оставайтесь с нами, мы продолжим после рекламы».

Левкас

Кровельщик Артём приехал в городок С. на подворье небольшого монастыря, где уже квартировали иконописцы из Почаева. Познакомились. Поужинали. Художники сели «творить» краски на завтра. Артём на выделенной ему кровати накрылся ватным одеялом и слушал в полудрёме, как они шуршат курантами по стеклянным плиткам, растирая темперу, и рассказывают байки. Про Сурикова, про лавру. И подумалось ему: «Вот и меня жизнь так же трёт по дорогам, по монастырям. Интересно, что я за краска? Киноварь – цвет крови Господа и мучеников? Голубец – цвет Богородицы и мира? Ярь – цвет Святого Духа и преподобных? Нет, куда мне до таких высот. Бывает, работаешь на луковице и думаешь, мол, близко к Богу, а земля-то тянет. Всё же я, пожалуй, левкас. Втёртый, клеенный в самую доску. Никто меня не видит, а на мне держится вся картина. Да уж, смиренно». Артём улыбнулся, натянул одеяло на голову и, засыпая, вспомнил своего учителя: «Мы высоты не боимся. До пятнадцати метров – ещё не высота, а после – уже не высота».

Коварство

С коварством Сева впервые столкнулся, когда ему было восемь. Коварству стукнуло пять, а имя ему было Мира. Судьба свела их на побережье, где Сева отдыхал с бабушкой и маленьким братиком Вовой, а Мира – с родителями. Бабушка непрестанно корила Севу и всеми силами принуждала его смотреть за братом.

Как-то, увидев пластиковую палочку у Севы во рту, Мира уточнила:

– Это твой Чупа-чупс?

– У бабушки в сумке нашел, – доверительно поведал Сева.

– Какого цвета, покажи! – Мира сделала манящее движение пальцем.

Сева, польщённый вниманием, с причмоком извлёк конфету.

– Вот, она так и сказала: «Красный»! Бабушка твоя его ищет! Говорит, купила Вове, а...

– Вове? – испугано выдохнул Сева. – Что же делать?

– Надо его назад в фантик завернуть, – предложила выход Мира, – давай, у меня есть.

– Нет! – Сева решительно оттолкнул протянутую ручонку. – Я помню, куда свой бросил, он в комнате.

– Беги скорей, – приободрила его Мира. – Чупа-чупс оставь, вдруг там бабушка.

Сева отдал ей конфету и бросился в дом... Дурачок!

Плохая латынь

После наркоза Копыль чувствовал себя отсиженной коленкой. В спутанных мыслях толкались тревожные сомнения вперемешку с обрывками ярких фантазий. «Жаль музыка не играет. А что? Американец "Форда" взял, а я, лучше, "Лексус", – Копыль то и дело приподнимал одеяло, поглядывал на бинты и прислушивался к организму. – Мне вдвое больше обещали. Поди, плохо! Ещё и на туда-сюда останется. Копылихе моей понравится. Да ей, вообще, сюрприз будет!»

В палату вошла лечащая – Анна Марковна, разулыбалась: – Как вы, Пёт Фёдч?

«Ишь, губы накрасила! А зубки-то белые!» – непроизвольно отметил Копыль. – Что-то, Анна Марковна, пальцы немеют. – Он аккуратно ощупывал себя под одеялом. – Не пойму, что там. От наркоза?

Врачиха наклонилась и потрогала шею Копыля под ушами. «Ох ты, под халатом только бельё! – Копыль отвёл глаза и насторожился: тело отозвалось вялым эхом велосипедного звонка, вместо привычного перегуда туго натянутых струн. – Всё, встал на ручник».

Анна Марковна откинула одеяло. Копыль приготовился, как и до операции, с удовольствием ощутить её прикосновения. Но тело пробуксовало. Анна Марковна посмотрела Ко-

пылю в глаза:

– Секундочку, Пёт Фёдч, – она открыла папку-планшет. Полистала, похмурилась. – Щас, щас.

Врачиха ушла. Копыль натянул одеяло на нос: «Почему никогда без "щас-щас" не обходится?»

...

Кризис среднего возраста у Копыля затянулся. Сколько Пётр ни вглядывался, никаких зовущих дальше впереди больше не видел. Одни пропасти через каждый шаг мерещились. Да и назад глянет – пустыня. У сыновей своя жизнь: один бекситтером в Европе, второй где-то за полярным кругом грехи замаливает. Любовницы стареют. Талантов никаких не обнаружилось. Копылиху дома не застать – разъезжает с учениками по конкурсам и фестивалям. Она в музыкальном училище баян преподавала. Люто Копыль затосковал. От курева – кашель, от водки – головная боль. Маялся-маялся, да в очередной женин отъезд решил повеситься.

Снял люстру. Подёргал крюк – качается. Достал инструмент, укрепил. Вспомнил пилёж Копылихи – повесил полки на кухне. Заодно обои в коридоре переклеил. Стал верёвку привязывать, у соседа музыка заиграла: «Мне уже многое поздно, мне уже многим не стать...» «Вот, точно!» – воодушевился Копыль, завязывая петлю. «Самое время мечтать», – утверждали за стеной. «Самое время?» – Пётр проверил, хорошо ли скользит петля, удовлетворенно кивнул и включил телевизор. Собачка из Простоквашина предлагала

продать что-нибудь ненужное. «Что б такого загнать, чтоб на "Лексус" хватило?» – горько ухмыльнулся Копыль, разворачивая свежий номер «Спид-инфо». «Американский пенсионер, мечтавший купить новый автомобиль, продал...» – прочитал Пётр и закрыл газету: «Так вот же решение!» Нашёл объявление подходящей клиники и позвонил.

– Здравствуйте! – ответил игривый женский голос. – Меня зовут Людмила. Чем могу вам помочь?

Копыль объяснил.

– Ой, какой приятный баритон, – кокетничала Людмила. – Да, мы делаем такие операции, приезжайте.

...

Анна Марковна без стука ворвалась в кабинет молодого хирурга, оперировавшего Копыля. Регистраторша Люся молниеносно соскочила со стола и оправила короткую юбку:

– Здрасьте! – Люся боком протиснулась в коридор.

Анна Марковна ногой захлопнула за ней дверь:

– Гамлет, ты показания Копыля читал?

– Я всё читаю, – под чёрными кудрями блеснул надменный взгляд.

– Что здесь написано? – Анна Марковна постучала пальцем по планшету перед носом у хирурга.

– Два testiculus, – прочитал Гамлет. – Да в чём дело?

– Testiculus – это единственное число, придурок!

– Э, у меня с латынью всегда было не очень, – Гамлет развёл руками и сощурил глаз, мол, чего вы хотите?

– У тебя и с русским «не очень», – Анна Марковна нависла над Гамлетом.

– Там «два» написано... же, – Гамлет, отстраняясь, качнулся и упал вместе со стулом.

– Два?! Если за тебя Люська бумаги заполняет, пусть хоть группу крови правильно пишет! Тебя не учили, что истории для прокурора заполняются?

– Где учили? – Гамлет барахтался между столом и стеной. – Зачем прокурора?

– Вы себе лет на двадцать назаполняли! Иди и пришивай обратно за свой счёт, что ты Копылю лишнего отрезал! – Анна Марковна пнула Гамлета в бедро.

– Ай! У меня нет счёт! – заскулил он.

– Пойду, у директора поищу, – Анна Марковна вышла в коридор, не закрыв дверь.

В кабинете директора двое мужчин в одинаковых чёрных костюмах вынимали из шкафов папки, неспеша просматривали содержимое и складывали их в коробки. Анна Марковна, привыкшая не вникать в дела директора, не обратила внимания ни на его серое лицо, ни на всклокоченные седые волосы. Она красочно и подробно обрисовала халтуру Гамлета. Директор поднял на Анну Марковну страдальческий взгляд:

– Анечка, (в паузе послышалось: «Твою мать!») клинику закрывают, счета арестованы. Дайте вашему Копылю контей-

нер, в другой клинике пришьют, я договорюсь. А заплатим ему, когда сможем.

Добитая Анна Марковна плюхнулась в кожаное кресло:

– Может, ему оба отдать тогда?

– Можете отдать оба. Но реципиент деньги уже перевел.

Не пересадим – убьёт.

– А как же, если клиника...

– Вы свободны, Анечка (послышалось: «Пошла на...»), – перебил её директор.

...

С другой клиникой директор не договорился. Не успел, наверное. Копыль обращался сам, но ему отказывали или заламывали неподъёмные цены. Делать нечего, продали квартиру. Заплатили. Открыли контейнер. По запаху стало ясно, что пришивать уже нечего. Копыль потребовал вернуть деньги. Ему ответили, мол, дело не быстрое, звоните. Звонил он усердно. А потом нашли в договоре козявку, убившую последнюю надежду наповал.

И пошли они с Копылихой петь в электричках и переходах. Через год начали выступать по кафе да ресторанам, на свадьбы их звали. Вместо фанерного домика на самозахваченном участке подняли кирпичный коттедж. Землю в собственность оформили. «Лексус» купили. Мыться стали не только летом. Копылихе и впрямь понравилось: и Петька от неё не гуляет, и заработок идёт стабильный. А она знай себе на баяне наяривает. Задорно так! Консерваторское образо-

вание – не отнять! Но по негласному уговору яйца они больше не покупают.

Большой вес

В нашем обществе я имею большой вес. В этом корень моего одиночества. Да, мужчины с вождением сверлят взглядами мое литое тело, но мало кто осмеливается подойти. А уж увлечь меня могут лишь единицы.

Особенно хорош был последний. Как он ласкал, как поднимал и кружил меня! Как мне нравилось ощущать его мощные толчки, когда он брал меня сверху! А какое блаженство делать это перед зеркалом! Подниматься и опускаться под его напором и чувствовать, как его сила превращает закристаллизованную в меня энергию в инерцию страстных движений. Вверх–вниз!

Но мои мужчины уходят, не прощаясь. Еще теплая от прикосновений, я смотрю на их спины, и, в такт шагам, во мне медленно затухают вибрации восхитительной неги. И наступает одиночество. Холодная, неуютная пустота. Но у меня чугунные нервы и я не чувствую ее, только понимаю, что она есть. Понимать – хуже, чем чувствовать. Чувства сгорают, а от понимания можно избавиться, только сойдя с ума.

Подруги, знаю, подтрунивают надо мной, мол, поди, возьми её. Но за вес уважают. Они-то сами калибром помельче и мужичок вокруг них вьётся пожиже. Но постоянно. Понимаете? Весь день около них толпы поклонников. Обидно бывает. Завидую.

Постойте-ка! Это же он – моя последняя пассия! Его кожа божественного цвета! Вены струятся по его предплечьям и бицепсам! Мы снова вместе! Бери же меня скорее! Возьми меня сверху! Я хочу ощутить твои техничные толчки. Вверх–вниз!

Еще полный волнительного напряжения, он нежно ставит меня на пол, учащенно дышит, его грудные мышцы играют и переливаются под кожей. Я жду. Я готова! Там, где царствовал космический холод одиночества, бушует невиданной силы пожар желания, разогревая меня изнутри. Моей природе, вообще, свойственно раскаляться. И мы повторяем! Ещё. Ещё. Ещё.

А вы, мои легковесные подружки, знайте, что хоть я и смешна, не даваясь в руки неумёх с потными ладошками, вознаграждение за моё терпение многократно пропорционально весу, который я имею в нашей качалке, потому что среди вас я единственная – трёхпудовая гиря!

Хвосты и гривны

Рыбалка в Штормовом – что угодно, только не промысел. Каждый день местные выходят на один и тот же мысок. Приносят снасти и мебель – скамейки, стульчики, банкетки. Забрасывают спиннинги в лазурную даль, где на переломе отмели, дескать, кефаль «пасётся». Сидят. Ждут. Клюнет у кого, остальные тут как тут. Топчутся, судачат, обмывают. Но за день клюёт раз-другой, не больше. Поэтому часа через три пьют уже просто за удачу. Отдыхающие на выдержанные годами рыбацкие традиции смотрят по-разному – кто с уважением, кто с восхищением.

Валера, бизнесмен средний руки из Брянска, не скрывал зависти.

– На машине же приехали, – в очередной раз посетовал он, хлопая ладонями по рулю, – могли же спиннинги взять.

– Валерочка, смотри на дорогу! – Голос Валериной жены превратился с годами в чудо-коктейль: пьянил лаской, отрезвляя раздражением.

– Да и так только на дорогу смотрю целыми днями! Весь полуостров уже объехали с твоими экскурсиями, блин! А мне не выпить, не порыбачить!

Валера продолжал бы дебаты, но справа бухнуло, жена вскрикнула – колесо лопнуло. Машина остановилась точно напротив автобусной остановки. Валера вышел и глубоко-

мысленно уставился на резиновые лохмотья на ободке – искал хоть малейший шанс не добывать запаску из-под груды туристического барахла в багажнике. Мимо с надменной укоризной вокруг солнечных очков в направлении магазина через дорогу проплыла жена.

Из бетонных недр остановки раздался голос:

– Это большая загадка.

Валера всмотрелся в тень, казавшуюся под ослепительно голубым небом непроглядной тьмой:

– Что? Не понял!

– Откуда на просёлке гвозди берутся, я говорю. Убираешь, убираешь, а они, чтоб их мать, из-под земли, что ли, лезут? – На свет вышел мужичок в линялых джинсовых шортах и растянутой красной гавайке. Редкие седые волосы, размётанные по всей голове, зубы только слева. Выглядел он не загорелым даже, а прогоревшим: всё лицо в чёрных морщинах. В руке мужичок-старичок сжимал удилище спиннинга.

– Ошибка, что я спиннинги не взял, – проворчал Валера и обречённо двинулся к багажнику.

– Тю! А зачем тебе? – мужичок подошёл к машине с другой стороны.

– Странный вопрос! – рассердился Валера, разводя руками.

– Брось! Чтоб здесь кефаль ловить, надо быть местным.

– Да ладно! Если б я свои «графиты» привёз, я б вам тут форы дал килограмм пять, – Валера вспыхнул и тут же по-

чувствовал, как жар со щек стекает холодком по позвоночнику.

– Ох ты, высокоумный какой! – мужичок лукаво улыбался, щуря глаз. – Тут ведь и кидать надо на семьдесят метров, не ближе. И червь нужен лиманский. И донные поплавки. А?

– Да у меня этой спецприблуды – горы. И донные и какие хочешь. И кидаю я будьте нате. А что за червь такой?

– О! Нету его щас, нету. Есть, но совсем мало.

– Да чё ты темнишь, отец! Давай замажем под что хочешь, – Валера пытался подпустить в речь местный колорит, для убедительности, – если ты мне дашь спиннинг и нужного червя, я тебя и перекидаю, и переловлю.

– Ишь, ты! А что, так и давай. – Мужичок протянул Валере свой спиннинг. – Вот у меня таких два, пойдёт?

– Это чё? «Максимус Вайлд»? Пойдёт, конечно! На что, отец?

– Твоя возьмёт, отдам тебе спиннинги и ящик коктебельского коньяку в придачу. А моя – ты мне два билета в дельфинарий.

– В дельфинарий? – усомнился Валера.

– Для внучки, – мужичок погрустнел. – Болеет она. Астма сильная. Умирает.

– Замётано! – уверено пробасил Валера. – Вот как раз мой сосед идёт. Ренат, подойди, пожалуйста!

– Здорово, отцы! Что за шум, а драки нету? – Ренат, похожий на теннисиста, с туго набитым снедью целлофановым

пакетом, вяло подошёл к машине. Его сын Эмиль – мальчонка лет десяти, семенил следом, тщетно борясь с мороженым в протекающем вафельном рожке.

– У нас тут спор вышел с... – Валера вопросительно посмотрел на мужичка.

– Никодимычем меня звать.

– ... с Никодимычем. Про рыбалку. Разбей?

Валера протянул Никодимычу руку. Ренат с наигранным размахом стукнул ребром ладони по их рукопожатию и обратился с мальчонке:

– Эмиль, может, и нам с ними? Удочку-то видел у хозяйки? За домом валяется.

– Ага! – просиял Эмиль, и мороженое победоносно чвакнулось ему на сандалию.

Вечером в поросшем виноградом углом дворике Валера подливал в пузатую гранёную кружку пиво, без умолку бахвалился, как весь Брянск по его лестницам вверх-вниз бегают и наставлял Рената с Эмилем: то крючок они ни тем узлом крепят, то леску не в ту сторону наматывают.

Назавтра, в утренних сумерках, на берегу, в условленном месте Ренат с видом старого капитана оглядывал неприветливый морской простор, сунув руки в карманы шорт. Рядом гордо разматывал удочку Эмиль. Озорной бриз разносил по пляжу ритмичный скрип – Валера, сидя на заднем сиденье своего старого опелька, усердно вкручивал штопор в пробку

«Древнего Херсонеса». Пришёл понурый Никодимыч.

– Подвёл я вас, ребята, – начал он повинным тоном. – Не могу я сегодня: в Симферополь надо ехать, за лекарством.

– А! Значит, проиграл! – обрадовался Ренат.

– Тс-с! – нахмурился Валера. – Для внучки? Внучка у него больная.

– Да, завезли редкое лекарство, немецкое. Хорошо помогает, но дорогущее, чтоб его мать. Не знаю... Ещё денег надо у кого-то занять. Наши-то тут все нищие. – Никодимыч ссутулился и смотрел в сторону.

– Точно: не можешь избежать болезней, постарайся избежать врачей, – веселился Ренат. – Сказал... кто-то...

– Сколько надо-то? – Валера смотрел исподлобья. Ему почудилась слеза на ресницах Никодимыча.

– Ай-х! – махнул рукой Никодимыч. – Не спрашивай! Десять тыщ гривен.

– Двадцать пять тысяч рублей? – подсчитал Валера. – Ладно, отец, я тебе одолжу. Поехали!

– Да? Спасибо! – засуетился Никодимыч. – Я отдам! Послезавтра получка. Всё верну! А половим завтра с утра. Здесь. Сюда же приходите. Ренат! А спиннинги и червей я вам оставляю пока. Вот! – он протянул Валере несколько влажных газетных «котлет».

На следующее утро мизансцена повторилась. Ждали только Никодимыча. Валера на ощупь отыскал на фирменной

рыбачкой безрукавке нужный карман со штопором и разделил с Ренатом утренний «Древний Херсонес». Никодимыч задерживался. На излюбленное место потянулись рыбаки.

– Мужики! – крикнул Валера. – Никодимыча не видали? Приехал он из Симферополя?

– Кого? – с недоверием прозвучало из толпы.

– Никодимыч, – пояснил Валера, потирая щёку пальцами, – чёрный такой в красный рубахе.

– Д’эт приبلудный какой-то. У магазина болтался. А там хрен его знает.

Рыбаки ушли. Показалось солнце. Угрюмый морской пейзаж сменился лазурной бликующей феерией. Эмиль кое-как ухватил реющую на ветру леску, взвизгнул, уколол палец, и принялся лепить на крючок хлебный комочек. Валера уступил ему пачку червей – на хлеб-то дело безнадёжное. Но Рената с Эмилем улов не интересовал. Они наслаждались ловлей. Насаживали наживку, закидывали крючок, меняли места. Свободные от обязательств и рыболовных техник, они шумели и смеялись. И на семьдесят метров им можно было не забрасывать. Пенопластовый самопальный поплавочек прыгал на волнах метрах в двух от берега. Под ним даже крючок проглядывал сквозь зеленовато-голубую толщу. А вокруг крючка бесчинствовала рыба мелюзга, стремительно и методично пожирая приманку.

– Тут уж не до промышленной рентабельности, – заключил Валера, тоскливая наблюдая за исчезновением очеред-

ного червяка. – Да-м... Пять килограмм форы...

Эмилю удалось-таки поймать зелёную полосатую рыбёшку. Счастливый пацан бегал по пляжу в поисках тары для добычи. Валера достал из сумки-холодильника оставшиеся свёртки-котлеты и вытряхнул червей в воду. Прибой выносил их с минуту-другую на песок, а после смыл окончательно.

Ренат сдвинул брови и задумчиво хмыкнул:

– Знаешь, я этого Никодимыча твоего вроде в Геленджике видел в прошлом году. И раньше. В Лоо, в Сочах. Да много где. А, может, это и не он был.

Открыли ещё две бутылки вина. Сели на песок и молча выпили. Потом ещё две. Валера хотел подняться, но сразу у него не получилось. Он лёг на бок, перекатился на живот, встал на четвереньки, потом сел на корточки. И тут же упал на спину. После третьего раза он научился падать с корточек вперёд. Теперь он с живота сразу переходил на четвереньки, минуя перекаты. В очередной раунд Валериной борьбы, Ренат, как паук, подполз к нему и подставил колено. Валера опёрся на него, поднялся и великодушно, с видом героя, спасающего немощного, подал Ренату руку.

С берега подул крепкий ветер и на море поднялась волна. Эмиль нашёл консервную банку и теперь озабочился поисками тени. Валера, ступая с осторожностью канатоходца, вошёл по колено в воду, извлёк из потайного кармана безрукавки пачку пятидесятигривенных банкнот и стал по одной

кидать их в море. Подошёл Ренат. В его глазах застыл немой ужас. Валера располовинил пачку и протянул часть денег Ренату:

– Тс-с! – Валера покачивался в такт волнам. – Бр-сай!.. Бр-сай!

Ветер подхватывал купюры, вертел в воздухе – то ли обнюхивал, то ли рассматривал – и шлёпал их на воду, будто клеил на стену. Не успела пачка закончиться, за Валерой пришла жена. Вдвоём с Ренатом они погрузили его на задний диван опеля. Садясь за руль, Валерина жена обозвала Рената пьянью:

– Ребёнка постыдились бы! – бросила она и хлопнула дверцей.

Машина тронулась. Под днищем зашелестел песок. Валера приподнялся, хотел помахать Ренату, но пляж уже скрылся за береговыми дюнами.

Два дня Валера мучился похмельем. Неделю спустя закончился отпуск. Через месяц началась осень. А через год и гривны прекратили хождение.

Тёплый ветер

В пыльном городе под радостный птичий аккомпанемент суетилось лето. Тёплый ветер раздувал тюль, пугая солнечных зайчиков. В тесной комнате с плакатами поп-див на стенах ловкие мастерки скребли по кирпичам, шлёпая раствор в такт сердцебиению Кира.

– Нет! – Кир ощупывал растущую перед ним стену. – Не сейчас! Почему я? За что?

Он пнул дошедшую до пояса кладку:

– Щас брат придёт! Мы вам покажем! Дэн!

Скрёб. Шлёп.

– Ладно. Чего вам надо? Ещё десять минут, а? – канючил

Кир. – Договоримся!

Кладка зажала грудь, мешая двигаться. Губы Кира дрогнули:

– Всё было напрасно! Учёба, работа, семья! Зачем? Хоть вешайся!

Кирпичи коснулись носа. Внезапно безнадежная сырость каменной могилы дала облегчение:

– Пусть! Замуровывайте! Чего уж, – засмеялся Кир. – Я вылезу и сбегу. У меня велосипед, лыжи. Лариске из первого подъезда впердолю.

Стена качнулась, кирпичи растрескались.

Вбежал Дэн с бутылкой колы под мышкой:

- Кира, я оплатил Интернет! Запускай Контру! Быстрее!
- Не, я к Лариске. Кстати, папину байдарку не видел?

Родина

Поначалу я никак не мог нормально сдать отчет в пенсионный фонд. Год за годом меня вызывали, выписывали унизительно мелкий штраф и журили. За это время сумерки прокуренных казематов со вздутым паркетом сменились просторными комнатами с халтурным ремонтом, где за учительскими столами сидели тётеньки в вязанных кофтах. Имена их, набранные щедрым кеглем, бросались в глаза из приляпанных к стенам файликов. Груды папок с делами таких же путаников, как я, производили впечатление срочной эвакуации. И вот, сижу я перед одной такой тётенькой, оправдываюсь, полушутя: «Совість моя перед Родиной чиста. Я всегда делаю, как мне Родина велит». Она мне, мол, ай-ай-ай, будет штраф. Я признаюсь: «У меня с Родиной вообще только коммерческие отношения. Если Родина востребует, всё возьму». Смотрю, тётеньки посмеиваются и переглядываются всё время. Думаю, хорошая шутка, что ли? Нечаянно взглянул на стену, а соседняя тётенька – Родина Н... Ф... Нынче там пластик, окошки, терминалы, мониторы. Лишний раз с Родиной уже не пошутить.

За околицей детства

Юрка слез со скрипучей железной кровати. Поправил в шкафу кремовые льняные брюки и джинсовую рубашку – мамин подарок. Сегодня вечером он наконец-то их наденет. Юрка умылся, натянул треники и, борясь на ходу с футболкой, прошлёпал босиком в сени. Там на низенькой скамейке лежал рубль, прижатый пустой трёхлитровой банкой. Юрка сунул ноги в бабушкины резиновые чулки и потопал на улицу, подхватив банку и деньги.

Обойдя несколько огородов, он подкрался к дому, окружённому кустами сирени. Привстал на цыпочки и постучал в окно:

– Коляныч, – шёпотом позвал Юрка.

За отворившейся со скрипом и дребезгом створкой появилась белобрысая заспанная физиономия:

– Юрец, опять ты? Сходи сам, чё я? Барбарисовна спрашивала, чё ты сам не ходишь?

– Колян, бабушка сегодня шаньги печёт, я тебя три принесу. Нет, хочешь, четыре?

Колька скуксился.

– Пять? – обречённо уточнил Юрка.

– Да не надо мне... Давай банку, – Колька вылез в окно.

Минут через десять он вернулся с молоком:

– На, держи.

Юрка поблагодарил.

– Юрец, вечером собираемся на затоне, придёшь? – Колька шурился на солнце. – Или опять нет?

Юрка пожал плечами:

– Приду, может.

– Приходи. Мне без тебя скучно, – Колька пнул камень. – Я у деда сигарет натырил. Картохи спечём. Дашку проводим.

– Дашку? – насторожился Юрка.

– Внучку Барбарисовны. Завтра уезжает. Да ты её не знаешь. Она ж на неделю всего приехала, а ты с нами не ходил. Ладно, Юрец, приходи вечером. – Колька махнул рукой и полез в окно.

Дома Юрка достал брюки и рубашку. Теперь стыдно не будет. Но к вечеру засомневался. Все ж поймут! Он будто в уме монетку подбрасывал: идти – не идти. Но сам же не давал ей упасть, а подбрасывал снова и снова. Вошла бабушка:

– Куда эт наряжаешься-то? Жениться никак собрался?

– Не, ба, я с ребятами на затон.

– До утра, что ль?

Юрка кивнул. Бабушка покачала головой и, вздыхая, поковыляла на кухню.

Притворив дверь, Юрка обстоятельно переоделся. Расстёгивал и застёгивал верхнюю пуговицу, расправлял рубаху под брюками, поправлял ремень.

Дверная ручка показалась Юрке необычно холодной. Он постоял, держась за неё, потом выключил свет и сел на кро-

вать. В голове снова полетела безответная монетка. Юрка несколько раз подходил к двери, но выйти так и не решился. Через окно он видел светящуюся точку – костёр на затоне. Сейчас там Даша. Даша. Сколько раз он повторил её имя? Юрка решил твёрдо: завтра он с ней поговорит. Он никак не может позволить ей уехать просто так. Ну и что, что она на год его старше? Ну и что, что ей уже четырнадцать? Утром, пораньше, он спрячется в малине у дома Барбарисовны. Даша рано или поздно выйдет, и Юрка ей откроется. Он раз за разом прокручивал план. Повторял и повторял одни и те же слова. Пока не заснул.

Когда Юрка открыл глаза, светало. На часах – начало шестого. «Скоро Барбарисовна на утреннюю дойку пойдёт, надо успеть проскочить», – Юрка приоткрыл дверь и, стараясь не скрипеть половицами, прошмыгнул в сени, а оттуда на улицу. Пока он добежал, брюки пропитались росой. Приходилось то и дело их подтягивать.

Юрка вспомнил, что и тогда поутру сел зябкий туман. Барбарисовна замешкалась с подойником и пока переливала молоко, из-за тюлевой завеси в сени вышла девочка. Ростом чуть повыше Юрки. Платье в продольную полоску без рукавов. Распущенные волнистые волосы до пояса. Пахло от неё сеном, земляникой и сдобой. Она ела ватрушку. Юрка покраснел. Когда в школе они с пацанами говорили о девочках, он именно такую себе представлял.

– Хочешь? – девочка приготовилась отломить румяный

край булки.

– М-э а-а... – промычал Юрка, во рту пересохло.

– Тебя как звать? – девочка облизала измазанный творогом палец.

– Юрок, – с готовностью ответил Юрка, – Юра, Юрий.

– А меня Даша, – сказала она и ушла в дом.

Как пришёл домой в обнимку с банкой молока, Юрка не помнил.

– Отпусти бутылёк-то, – улыбалась бабушка. – Ты, чё ли, русалку увидал?

– Нет, – встрепенулся Юрка. – Ба, тебе перекопать ничего не надо? Может, прибить чего?

Бабушка обеспокоилась:

– Не заболел ты, Юрок, а?

За полдня в огороде аппетита Юрка не наработал. Сидел, смотрел, как стекает с ложки грибной суп. Только два стакана компота выпил.

– Наотдыхался уже, видать, – вздыхала бабушка. – Пора к родителям.

Вечером Юрка, как обычно, отправился в лес. Оттуда уже, под дружный гогот его друзей, доносились взрывы петард. Юрка побежал напрямик. Спустился в овраг, перемахнул через ручей и, поднимаясь с другой стороны, услышал смех. Обернулся и разглядел девчонок из своей компании. И Дашу среди них. Юрка спустился назад к ручью. Стоя под ивами,

оглядел грязные треники и линялую рваную футболку, провёл рукой по нерасчёсанным сальным волосам... Домой!

– Ба, горячая вода есть? – крикнул Юрка.

Не дожидаясь ответа, он заперся в душе. День выдался пасмурный: вода не нагрелась. Юрка кряхтел, поскуливал под холодной струёй, но мылился и тёрся мочалкой.

– Глянь, губы синие! – ахнула бабушка, кутая его в банное махровое полотенце.

Юрка долго не мог унять дрожь. Вытерся наспех. Вся одежда выглядела старой и противной. Юрка выбрал более-менее приличные штаны и футболку. Подстриг ногти. Пока бабушка не видела, притащил в комнату гладильную доску и утюг.

Как правильно гладить льняные вещи, Юрка не знал. После второго же прикосновения утюга на брючине засияло жёлто-коричневое пятно. Юрка сел на корточки и обхватил голову руками.

Постепенно паника отступила. Юрка вспомнил, что когда брюки только купили, вместе с этикеткой, болтался запасной кусок ткани. Его вполне хватило бы на заплату. Но бабушке же не скажешь! Она опять догадается про русалку.

Ни на завтра, ни через день, ни через два Юрка в лес к ребятам не пошёл. Учился шить.

...

Ещё издали Юрка разглядел машину, отъезжавшую от дома Барбарисовны. И сама она стояла у ворот и махала вслед.

У Юрки забилося сердце:

– Варвара Борисовна, а где Даша? – Может, он ошибся, не понял.

– Так уехала. Вон машина-то. А ты чего за молоком не ходишь, Юрок?

Юрка не ответил. Он бежал пока не выбился из сил. Машина уже скрылась за перелеском, а он всё бежал и кричал: «Даша! Я тебя не люблю! Не люблю!»

Навигатор

[Навигатор – это не прибор и не профессия. Навигатор – это призвание.]

Навигатор движется по знакомому маршруту. Надёжный и отрешённый от всякой суеты. Как крейсер, уверенно режущий океанскую волну, он повторяет этот путь день за днем, следуя коротким командам Капитана. Ничто не отвлекает его, ничто не может сбить с толку. Ни манящие запахи жаровен и печей ресторанов и кондитерских, ни наглые посверкивания реклам, ни лес топчущих вокруг человеческих ног не могут заставить Навигатора изменить курс. Он покорно несёт службу, смиренно исполняет свой долг – быть глазами Капитана. «Парк!», «Метро!», «Аптека!», «Дом!» – не хватит и романа, чтобы описать какой смысл имеют эти команды для Навигатора. В коротких словах спрятаны переплетения звенящих улиц и немых переулков, скользкие лестницы и гулкие переходы, знакомые и чужие голоса, нежные ароматы богатых кварталов и мерзкая вонь подворотен в трущобах. Но «дом» – лучшая из команд. Навигатор ведет Капитана в тихую гавань, где пахнет спокойствием и уютом, где сытно и тепло. Где Капитан слушает голоса и музыку из ниоткуда, а Навигатор может растянуться на полу у его ног и вспоминать, как забавно бывает слушать разговоры Капитана с другими людьми. Они тычут в Навигатора пальцами, а

Капитан говорит: «Да-да, золотистый ретривер. Золотистый ретривер».

Несгоревший

Один знакомый – Николаем зовут – устроился, по молодости ещё, на работу в крематорий. Надо было ему гробы, как только их из зала прощания спустят, с лифта принять, на кар поперек погрузить и через дугообразный полумрачный тоннель, длиной метров семьдесят, ехать к печам.

И вот настала его первая смена. Загрузился он и поехал. Едет гробами вперед. Так уж был этот кар устроен, что на нем и задом наперед можно было ездить. И вот уже Коля почти до печей доехал, как вдруг видит, идет кто-то навстречу неровной походкой, левой стены держится. В черном костюме с обгоревшим рукавом, волосы почти все сгорели, лицо в саже, глаз опух.

Колян и так был в напряжении: все вокруг незнакомое и смертью пахнет, а увидев этого мужика, он вообще разволновался. Кар не слушается, виляет. А мужик обгоревший как застонет: «Где здесь выход!» Коля с кара спрыгнул, споткнулся, упал и пополз к противоположной стене. Кар – влево. Уперся передним гробом в стену, тот наехал на второй, хрустнул и соскользнул с платформы. От удара треснувшая крышка развалилась, и из гроба показался покойник. Коляна от страха стошнило. Он посмотрел туда, откуда падал свет, и разглядел только голые ноги идущего в его сторону человека, и услышал раскатистый, усиленный эхом, голос: «Вер-

нись, несгоревший! Выхода нет!» Тут Колян отключился.

Пришел он в себя в скорой. Рядом сидел Егор, печник, и рассказывал: «В кабаке неподалеку пожар был под утро. Мужик, бухой крепко, еле выбрался и бежать, куда глаза глядят. Через поле и к нам. Как внутрь попал, не помнит. Упал за печами. Он как вышел, я сразу понял, что не наш клиент, но обоссался еще раньше. Ну, дал ему в бубен. А он все причитал: «Я не сгорел! Не сгорел!» Пока я штаны снимал, он ушел. Я ему кричу: «Вернись, несгоревший, там выхода нет!» Пошел за ним, а там ты в блевотине, и бабка из разбитого чемодана торчит». В тот же день Николай уволился. Теперь же, если речь заходит про смерть и про всё такое, он говорит: «Я в свое время в крематории работал. Но ушел... Не моё это».

Колодец

Наконец мы докопали до бетонной стенки колодца. Остановив руку в сантиметре от серо-коричневой поверхности. Чувствую, камень нас презирает. За то, что мы нагло обнажили его, пробив эту штольню, и за то, что наше хилое воображение беспомощно перед тайной, спрятанной в его нутре. Он отвечает на нашу дерзость неизвестностью, сочащейся сквозь мельчайшие поры. Что там на самом деле? Детский скелетик в толще песка, прикрытый истлевшим тряпьем? Или?

Шепчу, боясь за громким словом не расслышать какой-нибудь важный звук:

– Ирфан, думаешь, она здесь?

– Здесь она, здесь. Чуть ниже, чуть выше, – Ирфан отвечает вполголоса; шёпот не для его баса. Вокруг всё сырое и пахнет тревогой – земля, бетон, скользкая глина. – Давай отбойник.

Дёргаю верёвку стартера. Отбойный молоток стрекочет, мешая вслушиваться в шевеление страха за спиной. Ирфан берёт молоток и нацеливает пику в крохотную выбоинку в виде сердечка. Отбойник сначала робко цокает, потом бодро напрягается и жалит стенку. Камень плюёт в нас крошкой: «Да подавитесь!»

Что за жизнь шла за забором, мало кого беспокоило. Слухи разные ходили. Кирпичные столбы, между ними – два ряда бетонных блоков, выделанных под скальную фактуру, и поверх металлическая изгородь: три слегги – две, поуже, ближе кверху и одна широкая снизу – и частые прутья, увенчанные шариками. Виноград, обвивший изгородь лозами и побегам, каждое лето притягивал туристов и отдыхающих тугими белыми гроздьями, прикрытыми густой листвой. Говорили, что в некоторых ягодах размером с дикое яблоко можно увидеть светящееся детское личико. Будто девочка лет пяти-шести улыбается. Каждый, разумеется, выдавал себя за свидетеля такой находки. Считалось, что нашедшим выпадает несказанное счастье. Но что после случалось со «счастливыми», толком никто не мог рассказать.

...

«Нет, возвращаться – немыслимо! Тропинка, как кардиограмма на склоне горы. И скользкая после дождя, будто маслом полита. Карабкаться по ней? Увольте! Я спустился-то едва. Тем более вот-вот стемнеет. Вершины гор по ту сторону долины ещё ярко освещены солнцем, но внизу уже сумерки. Серые, зябкие. Поди разбери, куда дальше идти. Ровная, горизонтальная площадка. С трёх сторон высокие стены, поросшие жимолостью. Сквозь листву и тонкие лианы кое-где различимы жёлтые островки мха на тёмно-серых бетонных блоках. Вниз дороги нет. Под ногами гравий. Чистый, как только что насыпали. Откуда? А, стоп! В левом углу, на сте-

не, что поперёк склона, лианы редуют. Что здесь? Калитка! С виду тяжёлая – плотно сбитые широкие морёные доски, на красных накладных петлях. Заперта ведь наверняка. Посмотрим...»

...

Храповы и Юнусовы с незапамятных времён жили соседями на горе – двор в двор. На тесном плато приютились два одноэтажных белых дома под шифером, курятники, кривые огороды и куцые виноградники, террасами зацепившиеся за склон. Когда Олег Храпов женился на Диляре Юнусовой, ветхий плетень между дворами снесли, и на свадьбе там уже столы стояли. Напоминанием о границе остался только колодец – бетонная труба диаметром сантиметров шестьдесят, не больше. Пробурили, ещё когда дома строили – для технических нужд, – да так он и остался. Вода в нём для питья не годилась, да и надолго её не хватало. Черпанул раз другой, и в ведре только песок с грязью.

После свадьбы решили новый забор поставить вдоль дороги. Автобусы, машины снуют весь день туда-сюда и отдыхающие шляются – отсюда море и город внизу видны, как на блюдечке. Поначалу хотели поставить глухой, дощатый, но после одумались: что за вид будет? Как стройка всё равно.

...

Калитка открылась на удивление легко, гостеприимно скрипнув петлями. Сумерки сгустились. Куда дальше? Похоже, это те два домика, которые я видел с вершины. Иду

по дорожке замощённой мелкими камнями. По обе стороны – огороды. Вот курятники. Женщина стоит. Что это с ней? Держит ведро – вот только выплеснула воду, да так и застыла.

– Эмм.. – Замолкаю. «Стоп, что этот смуглый сказал? Не говорить ни с кем». Стою, не знаю, что делать. «Так он об этом говорил, вообще?»

Рассматриваю женщину. Седая, кожа тёмная, как у моего нового горе-знакомога. Близо не буду подходить. Надо выбираться как-то. Если честно, хочется бежать. Захожу в дом справа. Темно. В одной из комнат тикают часы. Половицы недовольно прогибаются. Залипают от трения и встают на место уже за спиной. Кажется, что кто-то идёт следом. Кухня. Мать честная! За столом сидят два мужика. Не шевелятся. Один пальцами держит догоревшую папиросу. Другой пишет в тетрадке.

Что-то касается моей руки. Отдёргиваю руку и оборачиваюсь. Это смуглолицый.

– Мужик, опять ты? – выжидательно смотрю на сидящих за столом. – Как ты здесь... Блин! Как мы здесь оказались, – мой испуг переходит в удивление и злость. – Как тебя звать, говоришь? Инфаркт?

...

– Лоночка, отойди от колодца, – Роза поставила ведро с навозом и направилась к внучке. – Антон, – крикнула она мужу, – когда ты уже заколотишь эту дыру? Кто опять от-

крыл эту крышку-то?

– Бабушка, пупсик, – Илона села на корточки и заглядывала в колодец.

– Лона, отойди! Слышишь! – Роза бросилась к колодцу. Девочка опёрлась на край бетонной трубы, пытаясь рассмотреть упавшую игрушку. Туфелька скользнула по влажной глине, Илона потеряла опору и полетела вниз, отчаянно визжа. Гулкий всплеск. Роза добежала до устья колодца, но увидела только, как торчащие из воды ножи в красных колготках беспомощно бьют о каменные стенки на пятиметровой глубине. Роза упала на колени. Замерла на секунду, зажимая рот руками. Села на землю, обхватила голову и зарылась:

– Антон! Назар! Зифа! Господи!

Первой прибежала Зифа. Выпачканными в муке руками она встряхнула Розу:

– Что-о?!

Роза вперилась в глаза Зифы, дрожащей рукой указывая на колодец. Зифа заглянула в него как раз в тот момент, когда вода сомкнулась над детской туфелькой.

– А! – Зифа вскрикнула и принялась наотмашь бить Розу по голове. – Что б вы все! Проклинаю! Проклинаю вас всех! Дочь забрали! Внучку... – дальше она только кричала и хлестала Розу по лицу, пока на крики не выбежали мужчины. Антон отшвырнул Зифу. Та упала навзничь и, тыкая пальцем в сторону колодца, кричала срывающимся голосом:

– Илона! Илона!

– Что? Что Илона? – разводил руками Антон.

– Упала, – сообразил Назар и пошёл на Розу, сидевшую с окровавленным лицом, вцепившись себе в волосы. – Ах ты...

– Стой! – схватил его за руку Антон.

Назар развернулся и ударил Антона в лицо. Антон пнул Назара в голень. Они сцепились, упали и дрались, пока не обессилили. Так и нашли их Олег с Дилярой ревущими и бьющимися о землю у колодца.

...

– Пожалуйста, – кричит экскурсовод, – кто хочет осмотреть виноград, у вас пять минут.

Выхожу из автобуса, разминаюсь. «На кой я вообще поехал на эту экскурсию?» Народ толпится у забора, с которого свисают побеги виноградного куста и огромные грозди. От нечего делать подхожу полюбопытствовать. Ягоды, и правда, гигантские. «Странно: солнце справа, а слева из-под листьев вроде как лучи пробиваются». Женщины галдят, судачат. Мужики кричат, стесняются показать, что им тоже интересно. «Нет, ну странно это: откуда там свет?» Подхожу, осторожно приподнимаю широкий гладкий лист. Одна ягода светится изнутри. Как тусклая зелёная лампочка. Протягиваю к ней руку и касаюсь пальцем. Вздрагиваю от голоса у самого уха:

– Сорвите и спрячьте!

– И будет мне счастье? – улыбаюсь широкоплечему невы-

сокому мужчине со смуглым лицом, одетому в оранжевую гавайскую рубашку с пальмами и бермуды песочного цвета.

– И вы сможете помочь мне в одном деле, – он испытующе смотрит на меня. – В хорошем деле, не сомневайтесь.

– Это в каком таком хорошем? – уточняю со скептической усмешкой.

– Но если сорвёте, обратного пути не будет.

Срываю виноградину и с размаху зашвыриваю её подальше вниз по склону.

– Желаю успеха в хорошем деле. – Очень меня раздражает, когда не отвечают на вопрос.

Возвращаюсь в автобус. Все уже на местах. Едем дальше к вершине – там смотровая площадка.

...

Диляра в городе работала администратором гостиницы. Красивая была – не обожги глаза! Волосы чёрные, глаза чёрные. На работе ходила в форме: узкая красная юбка, белая блузка, чёрные лодочки. Стройная – что твоя статуэтка! Туристы и командировочные до испарины на лбу выдумывали вопросы, только чтоб от неё подольше не отходить.

Она как поняла, что случилось, сразу с ума сошла. В районной психушке её держали. Сначала Олега пускали к ней, а после совсем изолировали.

...

На вершине экскурсанты рванули оцифровывать красоты. Опять меня застаёт врасплох голос над ухом:

– Когда зайдёте в дом, лучше не бояться. И ни с кем не разговаривайте. Найдите вход... – Это тот же смуглолицый.

– Мужик, да отвали ты! – Ухожу от него в сосновую рощицу – с десяток-другой деревьев.

– Меня Ирфан зовут! – кричит он мне вслед.

Прохожу рощицу насквозь. Вид отсюда не хуже, чем с площадки. Тоже видно море, город, два домика на крохотном плато ниже по склону. Надо возвращаться к остальным. «Опять этот жареный хрен пристанет. Чёрт!»

«Так, в чём дело?» – Уже минут десять иду по этой роще. Вроде только что поднимался к вершине, а теперь тропинка ведёт вниз по склону. С чистого неба полил дождь.

...

Куски бетона падают нам под ноги. Ирфан сосредоточен. Уверенно кромсает камень. Как из песочных часов высыпается песок. Свечу фонарём. Внутри колодца обнажаются корни виноградного куста – будто высоковольтные провода. Между ними показывается детская ручка. Никаких следов разложения. Только кожа пожелтела. Вот открылись голова и плечи.

– Ирфан! У неё глаза открыты! – ком застревает в горле.

– Давай... виноградину, – сипло выдавливает Ирфан.

– Я же выбросил её, – ко мне приходит осознание невосполнимой потери.

– В кармане, – блеет Ирфан, не сводя глаз с мёртвого ребёнка.

– Что? Да? – Шарю по карманам. Вот она, и правда. «Откуда? А это важно?»

В ягоде горят очертания детского лица. Губы подрагивают в грустной улыбке. Протягиваю виноградину Ирфану.

– Клади ей в рот, – голос Ирфана выдаёт тревожное ожидание.

– Я? – Вдруг ощущаю слабость в коленях.

Ирфан кивает и подталкивает меня к трупку. Подхожу. Сразу не решаюсь, но протягиваю руку и проталкиваю ягоду между губ ребёнка.

Удар током. Вспышка.

...

Олег номера всех экстренных служб в мобильник записал. Для директора школы это важно. Но не пригодилось ни разу, слава Богу. Теперь же он всех вызвал: спасателей, милицию, скорую. Но что там потом было, плохо запомнил. Морг. Похороны. Психиатрическая больница. А как из колодца виноград вырос, Олег уволился и уехал. В никуда. Подальше чтоб.

...

Темнота. Открываю глаза: «Мама... Батя... Тесть с тещей... Полиция... Скорая...»

– Эх, Олег Антонович... – укоризненно смотрит на меня участковый и отдаёт матери мой паспорт. – Опять вы за своё! – И матери: – Бетоном, может, залить эту штольню?

Мать отмахивается и уходит.

– Простите... – говорю. – А Ирфан?

Мне не отвечают. Отец объясняет участковому:

– Когда внучку... доставали, спасателя в штольне завалило. Ирфан Акчурин его звали.

– М-да, дед, беда, – участковый хмурится, жмёт отцу руку.

Мне стыдно.

Овсянка

Для повара работа в олимпийской деревне – как для спортсмена золотая медаль на олимпиаде. А если тебе двадцать два – как для каратиста пятый дан. Уровень! Повезло – знай, держись. Хорошо, что Андрей в училище – до армии ещё – научился работать быстро. Вот, нынче, за окном ещё темень зимнего утра, а на кухне уже и ножи поточены, и половники блестят, и картошка почищена, и посуда для завтрака стопками сложена. Шеф придёт через полчаса, не раньше. Можно посидеть в подсобке, на телефоне поиграть или кино посмотреть.

Звонок мобильного, будто сирена боевой тревоги. Так и есть – на фоне синей лягушки надпись: «Шеф».

– Да, Пал Сеич! — Андрей привстал. – А... К обеду будете? Ага... Овсянка на завтрак? Понял! Да... справлюсь. До свидания, Пал Сеич!

Не открывать же шефу страшный секрет: Андрей овсянку и есть не любил, и готовить толком не умел. На него каши нагоняли скуку. То ли дело торты! И красиво, и даже готовить вкусно. Но делать нечего. Сороковку на плиту, молока в неё, хлопьев. Теперь помешивать. Водит Андрей половником в кастрюле, каша густеет, а неясная тревога мучает: «Что забыл? Что?» Спыхватился, да поздно – молоко водой не разбавил. Пока соображал и панику унимал, каша подгорела. По-

черпнул половником со дна, и варево сделалось цвета кофе с молоком, но с нежным розовым оттенком. Красиво даже. Но реакция спортсменов на кулинарные художества может оказаться самой неожиданной. Тем более чемпионов по греко-римской борьбе из южных республик. Они уже несколько недель как приехали на сборы и питались в столовой Андрея. Хорошо хоть деньги брать с них больше не надо: им вперёд оплатили и завтраки, и обеды, и ужины.

До Андрея тётенька работала. Кроме раздачи, чеки пробивала. Как-то она опрометчиво, на глазах борцов, макароны в тарелке рукой поправила. Борцы ей на кассе эти макароны на голову и высыпали. Инцидент замяли, но общение чемпионов с персоналом ограничили.

Столоваться борцы ходили организовано и дружно. С тренерами, врачами и массажистами. Человек шестьдесят-семьдесят. Андрей застыл у кастрюли. Половник держит наперевес, как автомат на присяге, и никак не может улыбку подобрать.

– Андрэй, – говорит один из тяжеловесов, – ми кашу нэ любим, ты нам нэ клады, ми кофэ попём и фрукты.

Андрей от радости слегка обалдел. Предлагал им какао, яблоки расхваливал. Но тут маленький, в костюме Адидас не по размеру, говорит:

– Мнэ одну порций сдэлай, пжаста!

Андрея будто ледяной водой окатили. «В лёгком весе выступает – не так страшно», – сработали в мозгу защитные

механизмы. Шлёпнул Андрей в тарелку полполовника каши, отдал «малышу» и – юрк в подсобку. Сидит ни жив ни мёртв, на часы в телефоне то и дело смотрит. Время остановилось! Наконец в зале послышалось шевеление. «Уходят? Только бы уходили!» – взмолился про себя Андрей. И тут доносится.

– Андрэй! Ти гдэ? Иды суда!

Андрей выглянул, и ноги у него подогнулись. Все борцы и тренеры стояли у прилавка и смотрели на Андрея. А тот мелкий впереди всех с тарелкой.

– А-э-м... Э... – Андрею не хватало дыхания говорить. Он только мычал и показывал на кастрюлю.

Один из тренеров, русский, говорит:

– Слушай, я такую кашу на топлёном молоке только у матери в деревни ел. Из печи, помню. Запах детства прям. Сделай нам всем по тарелочке.

– А мнэ дабавка дай, – улыбнулся «малыш».

С тех пор Андрей выучил на зубок все рецепты овсянки. А уж молоко водой с закрытыми глазами разбавляет.

Пиар

Книги Ящук исчезли на второй же день. В корпусах Дома творчества «Прудово» стояли стенды бесплатных книг – и в фойе, и на этажах. С вечера Ящук положил два томика на один такой, а утром книг как не бывало.

У Ящук от гордости – грудь колесом. Ещё бы: ему двадцать четыре, а он уже книгу написал, и редактировал её сам Берегатов – маститый писатель, у него два секретаря, агенты. Ящук от него целый год ни на шаг не отходил. Мэтр фонтанировал идеями и «рихтовал» сюжетные линии «Чижа», а Ящук, что называется, едва успевал перья очинять.

– Издательства не берут «Чижа», – пожаловался Ящук. – Авторских листов не хватает.

– Не беда, – успокаивал Берегатов. – Сюжетные линии можно развить, раскрыть характеры. Глядишь, и объём набегит. А хочешь, можешь за свой счёт издать.

Ящук так и сделал – сразу после новогодних каникул издался на свои. Экономил на каждой мелочи: и мягкая обложка без рисунка, и карманный формат, и то и сё. Даже бумагу выбрал самую дешёвую. Три раза проверял, чтоб дороже не подсунули.

Но молодой автор – для всех риск. На дворе уже стояла осень, а книжные магазины и лавки не спешили брать «Чи-

жа».

– Какие твои годы! – приободрил Берегатов. – Поедем, брат Ящук, в «Прудово», отдохнём. Может, сценарий по твоему «Чижу» напишем или пьесу. Знаешь, был бы материал, а идей нарожаем!

Ящук сгонял в город и привёз ещё часть тиража. И эти «Чижи» потихоньку разлетались со стендов. Но ещё теплее на душе у Ящука становилось при виде пылящихся тут же, рядом, шедевров Берегатова – и прозы, и стихов. Смягчился Ящук и к собратьям – молодым писателям. Не так критически воспринимал их менторство после издания первой же книги.

Берегатов популярность романа Ящука никак не комментировал, но хвалить «Чижа» прекратил. И возможные сюжетные девиации перестал обсуждать. Про пьесу и сценарий – ни гугу. «Завидует! – Ящук улыбался, не в силах сдержать рвущееся наружу честолюбие. – Нет, а что он думал, я всё жизнь буду его мысли конспектировать? Я и сам познал любовь муз. О!» И очень его раздражало, что наставник всё больше времени стал проводить со «старой гвардией»: «Пусть! Пусть старичьё по углам шушукается!»

В обеденное время в столовой Дома творчества собиралось много народу. Сидя за столиками по трое, писатели шумно общались, курили, выпивали. С Ящуком и Берегатовым обедал историк-энциклопедист Синюхин – седой длин-

новолосый старик с тростью и бриаровой трубкой.

– Как-то плохо, голубчик, – посетовал он, обращаясь к Берегатову, – расходится семидесятый том энциклопедии. Натужно идёт, исподволь. Не нахожу нынче в народе той жажды исторической правды, что сподвигла меня пятнадцать лет назад. Не вижу искры в глазах интеллигенции и студенчества. Эдак издательство и вовсе откажется сотрудничать. А ведь сто сорок томов ещё впереди! – Синюхин многозначительно поднял палец и зачерпнул ложкой куриной лапши.

– А сколько алок в одном томе? – тоном эксперта спросил Ящук.

Синюхин взглянул на него, будто только что увидел:

– Простите?

Берегатов отложил хлебный мякиш, бесшумно положил ложку на салфетку и потянулся за папиросой. Ящук не понял за что старик извинился и дал совет:

– Пиар, опять же, надо обеспечить надлежащий.

Синюхин раскурил трубку, затянулся, продолжая разглядывать Ящука с презрительной иронией, и выдохнул сквозь жёлтые усы:

– Да-с, середняк в литературу попёр.

Творческие планы нетерпеливо толкались в голове Ящука круглые сутки. И за завтраком, и ночью. А особенно на прогулках. У Ящука быстро выработалась хозяйская походка и он, заложив руки за спину, мерил уверенными шагами

аллеи обширного парка, снисходительно приветствуя попадавших навстречу литераторов.

Реконструкция территории и строительство новых корпусов в «Прудово» Ящук воспринимал, как символ расцвета новой русской литературы. И «Чижа» быстрее разбирали в корпусах, что стояли ближе к новостройкам.

Как-то раз, Ящук замечтался, и унылые осенние аллеи привели его на самую стройку. Ящук запрокинул голову, осматривая здания, и сердце его исполнилось гордости. «Нас, молодых, всё больше, – ликовал Ящук, – нам простор требуется, ширь, новые мощности для творчества и отдыха!» Под ногами хлюпала серо-жёлтая жижа. Ящук проследил цепочку своих следов, осмотрел ботинки. Сзади в брюки нагло впитались цементные шлепки. Ящук покачал головой и застыл, не веря глазам. В метре от него валялась обложка «Чижа». Мокрая и скукоженная, она жалко ютилась рядом с кучей битого кирпича. Сердце Ящука яростно забилося. Ловя равновесие, он шагнул и медленно раскрыл обложку носком ботинка. Все страницы вырваны. Внутри только грязь и жухлые листья.

– Варвары! – взвизгнул Ящук и огляделся.

Обложки валялись повсюду. Они белели в грязи, посреди строительного мусора, как голые мёртвые младенцы. Ящук крутился на месте, будто ждал, что с очередным оборотом кошмар рассеется.

Из дверей корпуса вышли рабочие. Пятнадцать-двадцать

молодых парней. Не то узбеки, не то таджики. Они расселись по лежащему вдоль проезда фонарному столбу, достали металлические коробки из-под зубного порошка и томик Ящукковского «Чижа». Черноволосые и белозубые, они галдели и смеялись. Надрали из книги страниц и принялись мастерить самокрутки. Ящук упал на колени и, глядя, как огонь, буква за буквой, пожирает его детище, твердил:

– Выгодная бумага! Бумажная выгода!

Дед Мороз

– Сидоров, не хочешь покурить?

– Угощаешь?

– Вообще-то, я не курю...

– Шо ж зовёшь?

– Ну, ты покуришь, или просто поговорим.

– Ладно, Петров, пошли.

...

– Петров, ты не пьёшь, не куришь... Ты хоть Новый год с девушкой встречал, м? Или с мамой? Хе-хе!

– Нет, Сидоров, знаешь, ко мне приходил Дед Мороз...

– Пху-пху... Э-а... Пху... Да неужели? Поздравляю! Ты меня вытащил, узнать верю ли я... Пху... в Деда Мороза?

– Пока ему хватает, что я в него верю. Каждый год приходит. Денег мне оставляет.

– О! Мешками, наверное. А-а, Петров! Совесть замучила, да? Деньги в кубышку, а сам всё прибедняешься, типа, на метро не хватает.

– Нет, не мешками, конечно. Но крупными купюрами, да. Чтобы я помогал, если кому нужно.

– Ха, денег всем нужно. То да сё. Водка, женщины, все дела. Так сколько у тебя уже, там, в кубышке? Давай, колись! Облегчи душу!

– Кубышку – нельзя. А то он приходит перестанет.

– Шо ж тебе за радость тогда? Ой, Петров, кончай мне мозги парить... Пф!

– Мне и не радость, мне – счастье.

– Ты, прям, как Иванова из планового, которая в благотворительный фонд ушла... этим... добровольцем... а, волонтером, во!

– Да, Иванова. У неё муж болел очень...

– Стой-стой! Так это ты ей... ну...

– Дед Мороз.

– А Фёдоров из бухгалтерии? Который... в монастырь...

– Сидоров, послушай! Я тебе на счёт два миллиона пере-
вёл.

– Что-что? Сколько? Да мне-то с какого?

– Тебе нужно. Для сына...

– Да ты чё несёшь?! Ты моего сына не трогай! Ничего мне не надо, ни от тебя, ни от твоего деда. Понял?! Мимо! Осечка! Иди свои нюни пускай где-нибудь. Я тебе шас как...

– Галя тебя...

– Что?

– Галя, секретарша Пузанова. Зовёт тебя. Сзади, вон, по-
гляди.

– Чего тебе, Галка?

– Сидоров, срочно к телефону!

– Что за чушь? Кому я понадобился? После праздников
и срочно!

– Оно мне надо, вникать? Сказали, из больницы какой-то.

– Петров, что это?..

– Прости!

Керосинка

Красочные байки из уст бывалых студентов и дипломников о стиле преподавания Корнея Павловича нагоняли на младшие курсы страх, тоску и уныние. Профессионал он был, конечно, экстра-класса. Предмет знал до последней запятой. Часто бывал в разных экспедициях, ездил на конференции, учебник написал. Но это сейчас понятно, а тогда мы, студенты, прозвали его «копчёным» за несходивший глубокий загар на широком морщинистом лице. Будучи одиноким стариком, за собой он следил плохо. Мог запросто прийти читать лекцию в драной выгоревшей энцефалитке.

Но вдруг, незадолго до госэкзаменов, его словно подменили. Одеваться стал загляденье. Со студентами приветлив. А над нашей группой вообще шефство взял. Отнеслись мы к такой перемене с недоверием. Спрашивали в других группах и у молодого доцента Дряжникова, который заменял Копчёного, уехавшего в очередную экспедицию. Оказалось, весь факультет недоумеваает. На этом фоне даже осталась незамеченной жалоба моей согруппницы Аньки Лихих на приставания Дряжникова. Они в общежитии жили на одном этаже. Пришел он к ней с каким-то бумажным свертком, говорил, что всё знает и помогался. Хорошо соседка за стиральным порошком зашла. Анька вообще странноватая была. Говорила невпопад и делала всё нескладно.

А потом Копчёный умер. Прямо на заседании кафедры. Аньку вызывали несколько раз в деканат и к ректору. Любопытство нас жгло изнутри огнем неугасимым. Но Анька невозмутимо молчала. Кое-какие детали мне потом завкаф прояснил. Я у него был на дипломе. Копчёный перед госами хотел нам все билеты с ответами передать. А тут его пригласили в экспедицию. Перед отъездом он договорился с Анькой, что завезёт ей пакет в общагу, а она, балда, ушла куда-то. Он, по простоте душевной, оставил пакет для нее на вахте. Дряжников это видел. Сказал вахтерше, что, де, она его студентка и он ей сам передаст. Потом вскрыл пакет и кроме билетов нашёл в нём письмо со стихами для Аньки. Сначала хотел её шантажировать и переспать с нею, но после допёр, что можно наконец-то Корнея Павловича на пенсию выпихнуть и на кафедре письмо обнародовал. Копченый вернулся, а тут такой скандал. В основном из-за билетов, но еще под соусом отношений со студенткой. Инфаркт, короче.

А мы после диплома поехали всей группой к одному из наших на дачу. К вечеру гроза ударила страшная. Даже свет отключили. Хозяин достал керосинку. Старую, грязную, еле отёрли. Зажгли её, а у Аньки глаза полные слез:

– Лампа, – говорит, – как Корней Палыч.

Опять, думаем, ляпнула не пойми чего. А она продолжала:

– Влюбленные старики... – Все притихли: вот, сейчас она откроется наконец. – Светятся из-под копоты.

Берега

Тихон, жадно причмокивая и прикрывая большим пальцем пузатую чашу трубки, закурил. Огарок длинной спички тенькнул о дно медной пепельницы на подоконнике и разломился надвое. За окном куражилось бабье лето. Ветер будоражил кроны деревьев, заставляя красно-жёлтую листву рукоплескать голубому небу. Самое время гулять!

По железной дороге за перелеском на сортировочную станцию втягивался состав. Габаритный груз на платформах прятался под брезентом с накинутой поверх маскировочной сеткой. Между путями и у пакгаузов суетились военные. Мимо дома с воем и синими проблесками пронеслись две машины скорой помощи. Тихон пустил дым носом на пожелтевший ворот белого вязаного свитера и достал из кармана застиранных домашних джинсов мобильный. Палец пробежал по экрану: «Ток! Ток! Ток!». Нет сети.

В уши ударил забытый перезвон проводного телефона. Связисты на днях поставили. Если начнётся война, кто не отключил такие, порадует. А разве в нашем мире заканчивалась война? Если ты не воюешь, значит, кто-то воюет вместо тебя. Она уже повсюду. Страна готовится без дураков. Правительство ещё клятвенно обещает уладить споры из-за изменчивости границы, проведённой по руслу реки, а со дворов уже потянулись угрюмые молодые люди с чемодана-

ми, рюкзаками, баулами. Связанные подпиской о неразглашении, они тихо исчезают в военкоматах и на сборных пунктах. Под уверенный баритон премьер-министра отцы дочерей надевают камуфляж, радостно балагурят о патриотизме и настоящих мужчинах. Отцы сыновей урезают семейные траты и сидят, робко уточняя стоимость похорон в военное время. Участились инфаркты.

Телефон продолжал звенеть по-идиотски радостно. Тихон чертыхнулся и поднял трубку:

– Да?

– Инспектор Хок! Инспектор Хок! Алло? – блеющий стариковский голос плавал в пустоте у самого уха.

– Да, слушаю! Хок!

– Моя фамилия – Хлюп-пе. Отто Ромуальдович. Галерист. Вы меня не знаете. У нас полиция... Что?

– Да-да, говорите. Картинами торгуете?

– Да. Галерея на Дружбы народов.

– У меня сын художник. – Тихон прикрыл глаза и ударил кулаком в стену. – В армии он.

– Очень вам сочувствую, – затараторил Хлюппе. – У меня картину украли. Здесь полиция. Сказали, не будут заниматься... Просто тут такое дело... Но, может, если, вы, только...

Тихон взорвался:

– И правильно, не будут! Война на носу! А? Отто Каква-стамович! Что, мировой шедевр украли? Нет ведь, мазню какую-нибудь!

– Ромуальдович... Да, шедевр. Но, господин инспектор... Тихон Андреевич, дело не в украденной, а в новой картине. Как вам объяснить...

– Я вам зачем, объясните, лучше. – Тихон постучал чубуком по пепельнице. – Меня вот-вот уволят... Переведут... Ай, это не ваше дело!

– Понимаете, господин... Или как правильно? Тихон Андреевич, вместо украденной, воры выставили другую картину. Старую-то обещают найти. Но новая... К ней народ просто валом валит.

– Вы что, шутите? – Тихон не скрывал негодования. – То есть вам подкинули... Не знаю... Обменяли один шедевр на другой? Да ещё более ценный? Так, что ли, по-вашему?

– Выходит, так, – еле слышно подтвердил старик.

– Бред, но допустим. От меня-то что требуется? – Тихон ткнул себя пальцами в грудь. – Найдут старую картину, и с новой прояснится. Чего вы ещё хотите?

– Они надо мной смеются. Ваши коллеги...

– Не удивлён...

– Я хочу найти художника. Понимаете? Ваш начальник мне сказал, что вы как раз...

– Так, стоп! – Тихон выставил раскрытую ладонь. – Хватит!

– Молчу...

Тихон разворошил стопку бумаг, взял карандаш и прижал локтем мятый листок.

– Как вы сказали? Хлюппе... Я записываю. Улица Дружбы народов. Ждите, я перезвоню.

Тихон утопил рычажки и резко отпустил их. Через секунду шумы в трубке вытянулись в длинный гудок. Палец по старой привычке накрутил номер. Строгая телефонистка соединила с начальником уголовного розыска.

– Гавчус! – рывкнул Тихон. – Ладно, ты меня уволил или там, не знаю, перевёл в военную полицию, но издеваться над собой я не позволю!

– И тебе, Хок, доброго здоровья! – Гавчус кашлянул. – Слушай, не начинай. Уволил – не уволил. «Милитари» тебя не спешат брать перед... Ну, сам понимаешь.

Елейный голос шефа разъедал уши.

– Гавчус! – Тихон погрозил телефону пальцем. – Что за хмырь с картинками мне звонил? Ты его подослал?

– Хок! Успокойся! Ты же упустил «Концерт» Вермеера, помнишь? А его тридцать лет ищут, сам знаешь. Вот и займись пока этим... Хлюпиком.

– Гавчус, что за дурацкая месть?

– Тем более, Хок, за него просил премьер-министр. – Тон Гавчуса резко изменился: – Или хочешь в действующую армию? Вслед за сыном.

– Шты? Ах ты... – Тихон глубоко вдохнул, но запутался в обрывках фраз и хлопнул ладонью по рычажкам телефона.

– Гад какой, а! – Тихон покрутил пальцем около телефонного диска, вспоминая номер Хлюппе. – Вот и пошёл он к

чёрту! Это не сотовый, входящих не запоминает!

Электронный будильник тревожным оранжевым светом показал половину двенадцатого. Радио за стеной бойко чеканило очередную политбрехню. С тех пор, как сына призвали, жена не пропускала ни одного выпуска новостей. Тихон окунул трубку в продолговатый кисет. Мягкое шуршание тонкой кожи и аромат нарезанного соломкой табака уняли бурление мыслей. «В школе Гавчус такой сволочью не был, – Тихон посмотрел на окно. – Пока время есть, надо наклеить бумажные кресты на стёкла. Или скотчем. Но терпение у него ангельское. Не знаю...»

С певучим скрипом отворилась дверь. Жена в мятом чёрном платье и с приёмником под мышкой подошла вплотную к Тихону и уставилась ему в глаза. Он взял приёмник, поставил его на стол и потянул жену за локоть. Но она упёрлась ладонью Тихону в грудь:

- Ты же мог сделать Лампику бронь!
- Не мог. Не мог! Сто раз уже говорили!
- Позвони Гавчусу! Попроси вернуть Лампика!
- Гавчус такие вопросы не решает.
- Он вхож к премьер-министру.
- Позвони, да позвони Гавчусу. Да пошёл он, Гавчус твой!
- Тебе совсем плевать на сына?
- Мне? Это тебе... Это ему плевать на меня. Он же не слушал меня. «Буду художником! Буду художником!» – Тихон широко размахивал рукой.

– У мальчика талант!

– Видел я его талант: мазня – мазнёй.

– Да ты даже не поинтересовался ни разу, где его мастерская! Что ты видел?!

– Он мне показывал как-то наброски. Белеберда. Что за художник, если не может передать всё как есть. Хотя... Да и зачем это надо, вообще?! Есть фото, сканеры и там... не знаю.

– Позвони Гавчусу, Тиша! Попроси вернуть Лампика.

– Ну, к чёрту! – Тихон отвернулся, сунул в карман пачку сигарет и зажигалку.

У двери он остановился, вернулся к столу и взял листок с адресом галереи. В холле Тихон оглядел себя и укоризненно покачал головой: «В пижаме было бы солиднее». Стряхнул с джинсов невидимую пыль, но ни чище, ни новее они не стали. Тихон обул высокие берцы с красным отливом и, накинув кожаную куртку, вышел из квартиры.

Галерея Хлюппе занимала старинный двухэтажный, недавно отреставрированный, особняк из белого кирпича. Стекланный портал вместо крыльца смотрелся вставной челюстью в старушечьем рту. Над порталом колыхался белый транспарант с красной надписью: «Гирия А.З. Параллели исторического гиперреализма». Около пластиковых дверей роились алчущие утончённой красоты. Пёстрая очередь, питавшая толпу, огибала здание и терялась за поворотом ули-

цы Дружбы народов метрах в трёхстах от входа в галерею.

– Куда прѐшь! – зашипел толстый мужик, толкая Тихона.

– Шаг назад! Бегом! – Тихон сунул толстяку в нос полицейский жетон.

– Уехали же вроде. Только пускать начали, – недовольно запричитал мужик, отступая: мол, назад – так назад.

Над толпой возникла седая голова с огромным горбатым носом. Она плыла против людского потока и бляла:

– Тихон Андреевич! Сюда! Сюда! Это я, Отто... Простите! – Хлюппе то и дело извинялся, наступая на ноги посетителей.

Внутри галереи люди молча двигались вереницей по коридорам и лестницам. Хлюппе уверенно шагал вдоль очереди и без умолку говорил. В залах мелькали юные рядовые полицейские, оставленные для охраны. Наивными взглядами и розовыми щеками они напоминали амурчиков, парящих рядом с величественными полотнами. Тихон крутил головой, останавливался, разворачивался и шёл задом. Картины на стенах выглядели окнами в другую действительность, в другие времена, в другие миры.

– Это великолепно! – Тихон поймал Хлюппе за рукав. – Вот настоящее искусство! Смотрите, как фото!

– Да, великий мастер.

– Жив? Сыну моему не помешало бы с ним пообщаться. Может, чему-нибудь научился бы.

– Да-а, жив. Кстати, часто даёт у меня мастер-классы.

Пришли, Тихон Андреевич.

Картина, оставленная грабителями, терялась на светлом фоне следа от украденного полотна, как клетка на тетрадном листе. Оказалось, что очередь тянется к невероятной мешанине цветов, переплетению прямых и причудливо изогнутых линий. Белый бесхитростный багет добавлял картине простоты и пуще обесценивал изображение. Люди вставляли напротив картины, наклонялись вперёд, прищуривались, будто вглядываясь в запредельную даль. Некоторые вскрикивали, улыбались и уходили счастливые, другие хватались за голову и убегали, иные же пожимали плечами и чертыхались, ища с кем бы поделиться разочарованием.

Тихон смотрел то на картину, то на Хлюппе. Старик засуетился:

– Ваши коллеги отбыли вот только. Всё, как они сказали, «сняли». Хотели её увезти, но я упросил оставить. – Он смутился: – Не без вмешательства премьер-министра, правда.

– Премьеру-то это зачем? – Тихон нажал на слово «это» и потряс перевёрнутой ладонью, указывая на «шедевр».

– Господин Тутт большой ценитель искусства, – Хлюппе потупился.

– Ну, а художник вам зачем? Кто он, кстати, известно? Есть подпись? – Тихон пригляделся к полотну, стараясь не мешать публике.

– Её не видно почти. Две буквы «икс».

– Мистер Икс, значит. «Да, я шут, я циркач... Так что

же?» – пропел Тихон.

– Кто он, мы не знаем...

– Мы?

– Я! Я, – всполошился Хлюппе. – Но понимаете, инспектор, – старик доверительно наклонился к Тихону, – у него же могут быть ещё картины, – глаза галериста хищно блестели. – Видите, какой эффект? – он слегка оттопырил пальцы в сторону посетителей.

– Вижу, но не понимаю! Променять такое искусство, – Тихон огляделся по сторонам. – Что там намалёвано? Мольберт. Что это? Мастерская?

– Мастерская? – Хлюппе заговорил странным, понимающим тоном.

– Напишите мне координаты Гирии, – Тихон протянул старику листок с адресом галереи.

– Вот его визитка, если угодно, – Хлюппе слегка прогнулся.

– Угодно! – Тихон жестом остановил очередного посетителя и отвернул картину от стены.

Сзади картина выглядела грязным куском фанеры в пятнах жёлтой краски с остатками чёрных букв. Тихон сверкнул вспышкой мобильного. Картина с глухим стуком прильнула к стене.

– Любуйтесь! – пригласил Тихон ожидающую очередь и попрощался с Хлюппе.

Гирия жил в новом небоскрёбе в центре города, рядом с ратушей. Квартира занимала два этажа под пентхаусом, а окна мастерской, обустроенной вторым светом, углом выходили на юг и восток. Художник – толстый, бородатый, с широким лицом, расхаживал по дощатому полу в шлёпанцах и сером потном балахоне, перепачканном разноцветными ляпами поверх белых разводов. Время от времени он почёсывал залысины и взбирался на хлипкие алюминиевые леса около картины высотой больше этажа и загородившей несколько оконных проёмов. Из глубины полотна на зрителя накатывала океанская волна.

– Она вам что, позировала? – поразился Тихон правдоподобию изображения.

Гирия характерным толстяцким перетопом развернулся на голос.

– Ашот Зурабович, – запищал секретарь художника, впустивший Тихона, – к вам инспектор Хок от Отто Ромуальдовича.

– От Министерства внутренних дел я. Ступай, сынок, и займись спортом, с такими спичками в армии и дня не протянешь, – Тихон сжал хилый секретарский бицепс и подтолкнул парня к двери.

– Меня уже допрашивали сегодня, – Гирия пыхтел, спускаясь с лесов. – Но знаете ли, голубчик, – художник протянул Тихону пухлую потную ладонь.

Тихон вставил между испачканными краской пальца-

ми-сосисками визитку. Гирия посмотрел на неё и бросил на пол.

– Это моя, – констатировал он. – Так вот, смешанные чувства я испытал в связи с кражей. С одной стороны, пропало одно из моих выдающихся полотен, но с другой, похищение картины – ни что иное, как очередная ступень признания таланта и мастерства художника. Не шутка, доложу я вам! Художники умирают, а торговля искусством вечна. Что ушло на чёрный рынок, считайте, попало в вечность.

– А вы ей не помогли, Зураб... Эмм...

– Ашот Зурабович. Вы, голубчик, видимо плохо представляете себе мой калибр. Я один перевешиваю всю академию художеств. О чём бы не мечтал человек, у меня или уже есть, или мне не составит труда это получить. А мои шедевры рано или поздно неизбежно начнут красть.

– На картине, которую повесили вместо вашей, изображено что-то похожее на мастерскую художника...

– Голубчик, не смешите меня! Слово «изображено» никак не относится к этой галиматье.

– Публика другого мнения. – Тихон обошёл толстяка и остановился у картины в лесах.

– Да бросьте! – снисходительно махнул Гирия. – Серость прёт посмотреть на место преступления. День, два и вернётся настоящий ценитель.

– Обалдеть, – Тихон разглядывал картину, задрал голову, – но одного не пойму: что именно восхищает, сюжет или

художник?

– Вы... как вас там? Видно, ничего не смыслите! Это и есть высшее искусство. Я до мельчайших деталей переношу на полотна то, что есть и то, что могло бы быть. Никто, кроме меня так не воссоздаёт подлинный цвет и не оживляет свет. Я оттачивал мастерство десятилетиями. Люди восхищаются моим талантом. Они идут прикоснуться к великому.

– Вот-вот, – протянул Тихон, – не вижу жизни в простой фотографии. А ваш конёк, притом – параллельная история. Враньё, другими словами.

– Знаете что, голубчик...

– Знаю! — Тихон направился к двери. – Прощайте!

Завечерело. Набежали тучи. Свет фонарей и тусклых витрин рассыпался искрами по чёрному мокрому асфальту. Трамваи не ходили. Тихон покурил на пустой остановке и срезал через частный сектор и новостройки. Вся жизнь «дворами». Жена встретила Тихона на пороге. Такая же неопрятная, с приёмником на руках. Частота сбилась, смешав очередную новостную сводку с допотопной джазовой композицией на фоне шипения, похожего на шум прибора. Будто недописанная волна с картины Гирии катит и катит на берег и никак не разобьётся о камни.

– Ты позвонил Гавчусу! Тиша, ты был у него? – Глаза жены тревожно искали ответ на лице Тихона.

– У меня получше есть идея, – Тихон, подстроив приём-

ник на джаз, освободил от помех низкий хрипловатый тембр саксофона. – Наш премьер, оказывается, любитель живописи. Где у Ламппика мастерская?

– На Кальмана. Дом одиннадцать. Там во дворе бойлерная, – просияла жена, – я дам тебе ключ.

Замок в железной двери бойлерной несколько минут мужественно защищал вверенное ему помещение – скрежетал, заедал, перекашивал ключ. Внутри, включив фонарик мобильного, Тихон облегчённо выдохнул: шаря в темноте, он чуть было не влез в скрутки оголённых проводов. Рубильник поддался только со второй попытки. На площадке между хитро переплетёнными трубами стоял мольберт с картиной, освещённые четырьмя тусклыми лампочками. Тихон толком не разобрал изображения на квадрате примерно полметра на полметра. «Ничего другого я и не ждал, – досадливо улыбнулся он, – но, похоже, премьеру такое нравится». Постепенно глаза привыкли к свету. Тихон посмотрел направо и отшатнулся. Прислонённая к толстым отопительным трубам, прикрытым несколькими слоями чистого полиэтилена, стояла украденная картина Гирии: «Витовт отменяет отступление при Танненберге». На фоне несущейся навстречу тяжёлой тевтонской конницы маленький монгол со странным топором в руке жалобно смотрел прямо в глаза Тихону: «Сяс я умирать, но ты не поверь! Самое дело, мы побеждать!» Тихон поёжился и принялся осматривать помещение. Отмы-

тый кафельный пол, стёртая пыль, и ни других картин, ни эскизов, ни даже красок. Часы мобильного показали без четверти семь. Тихон завернул маленькую картину в полиэтилен, с опаской дёрнул рубильник и, стараясь не греметь, запер входную дверь.

Очередь у галереи затихла, помрачнела, но не уменьшилась. Хлюппе радушно встретил Тихона и провёл его в кабинет. Бытовые мелочи наперебой рассказывали о хозяине. И что он целыми днями торчит в галерее, и что любит фруктовые чаи и яркие галстуки, и что принят высокими кругами. Но мебель из красного дерева и позолоченные светильники не создавали домашней атмосферы. Музей и музей: дорого, но неуютно.

– А зачем закрываться? – глаза старика задорно светились. – Это же деньги! Пусть идут хоть всю ночь!

Хлюппе пригласил Тихона присесть на широкий кожаный диван, а сам плеснул в два сниффера коньяка из причудливого штофа. Тихон поставил картину у спинки дивана, уселся на прохладные потёртые подушки и взял бокал.

– Отто Ромуальдович!

Хлюппе зашёл уже за массивный письменный стол, украшенный по сторонам резьбой, но вернулся и сел на край дивана.

– Да, Тихон Андреевич!

– Устройте мне встречу с премьером, – Тихон повращал

бокал и сунул в него нос.

– Едва ли это возможно. Вы же сами говорили, близится война. Премьер почти никого не принимает. Насколько мне известно, разумеется. – Хлюппе нерешительно поднялся и переместился за стол.

– Я знаю, где ваша картина. Которую спёрли. Условие: меня к премьеру – картину в галерею. Просто, правда?

– Но мне нужен автор...

– И его найду, – Тихон залпом осушил бокал.

– А вы не боитесь...

– Не боюсь. Сами бойтесь. Премьер так и так узнает, что и когда, и, главное, кто.

Хлюппе всед за Тихоном допил коньяк и придвинул телефон.

– Но он не примет, что делать, всё равно, – бубнил он, нажимая кнопки.

Тихон кивнул и сделал жест: «Пробуем!»

– Да-да, господин Тутт, – Хлюппе привстал, – да-да, я. Вот как раз он спрашивает, не могли бы вы его принять по этому делу.

Тихон округлил глаза и вперился в старика. Тот пожал плечами и отвёл в сторону свободную руку.

– А, понял, ждём. До свидания, господин Тутт! – Прежде, чем сесть, Хлюппе постоял немного с гудящей трубкой. – Нет, а что мне было ему сказать?!

– Хорошо-хорошо, Отто Ромуальдович! Пусть так. И что

в итоге?

– За вами придёт машина, – Хлюппе вытер лоб салфеткой.

– Ого! Тогда ещё по коньячку, – Тихон потёр ладони и откинулся на спинку дивана.

Автомобиль из правительственного гаража с виду можно и не отличить от серийного, но хлопнешь дверью и понимаешь, что войти трудно, а выйдешь, только если выпустят. Кроме водителя, Тихона в машине встретил полковник с поросячьим лицом – какой-то гвардейский чин. К нему непроизвольно приклеилось прозвище: «свин». Такого натиска дружелюбия Тихон не ожидал. Свин, сидя рядом с водителем, то и дело оборачивался – выспрашивал всякие пустяки и сыпал анекдотами. Мясистые щёки поднимались, прикрывая маленькие глазки, а сквозь широкие щели между зубами вырывалось шипение. Видимо, смех. Тихон в ответ мычал и криво улыбался. Знал он таких «приятелей по бане»: сначала зацелуют, выведуют всё о тебе, а после... «Этот и к стенке может», – Тихон брезгливо спрятал руки в рукава куртки.

– Как там у тебя, эт самое, в галерее дела? – простодушно поинтересовался свин.

Тихон дёрнул плечом и посмотрел в окно.

– Понимаю! Понимаю, – свин заговорщицки подмигнул. – Я тут забегал, эт самое, в обед. Ромуальдович провёл, эт самое, через зад, – свин прыснул. – Глянул на картинку эту.

– И как впечатление?

– Да ты знаешь, эт самое, ничего не понял, честно, вообще ничего. Но не зря сходил, не зря. Пока там был, эт самое, задачку решил, – свин внезапно посерьёзнул, поросычьи глазки раскрылись во всю ширь и блеснули свинцовым холодом. – Не понимал, как наряды оптимизировать. Людей не хватало. А теперь, эт самое, и на президентский дворец смогу выделить два... Ну, не важно. Полезно иногда менять обстановочку, – свин снова разулыбался и ткнул водителя кулаком в плечо. – А?

– А как вам картины Гирии? – Тихон заставил себя посмотреть на полковника.

– Не, ты слушай, этот тоже со мной увязался, – свин показал на водителя. – Что-то у него с мотором не ладилось. Так он бомбу нашёл.

– Помпу, – смущённо поправил водитель.

Свин зашёлся хохотом и до самого Дома правительства так и не успокоился.

В приёмной премьер-министра Тихона досматривали минут тридцать. Заставили раздеться, щупали, заглядывали в рот и не только, сканировали металлоискателем. Насчёт картины старший офицер два раза звонил кому-то важному. Ничего не найдя, охрана насторожилась ещё больше. Тихон всем нутром чувствовал недоверие к себе. До кабинета премьера его сопровождали два дюжих молодца. Карабины в их

лапищах казались карандашами.

Тихон вошёл в просторный мягко освещённый зал. Тутт сидел вполоборота за длинным столом, стоящим вдоль противоположной от входа стены. Опираясь на стол локтем, ладонью премьер прикрывал глаза и выглядел спящим. Мониторы и телефонные аппараты вокруг него, казалось, замерли в страхе побеспокоить хозяина. В тишине слышалось пузырение минералки в открытой бутылке. Пробиваясь сквозь неё, свет настольной лампы становился изумрудным. Тихон перехватил картину другой рукой. Полиэтилен зашуршал и Тутт наконец-то очнулся и зазвучал его узнаваемый харизматичный баритон:

– Добрый вечер, господин Хок! – премьер подошёл к Тихону и пожал ему руку.

Вблизи Тутт оказался куда приятнее, чем по телеку. Ростом – чуть выше среднего, живые добрые глаза с лучиками морщинок из уголков, лёгкая возрастная полнота добавляла его образу обаяния.

– Здравствуйте, господин премьер-министр! – Тихон слегка поклонился. – Простите, что решился отнять у Вас время. Понимаете. Мой сын. Он в армии.

– И ваш сын в армии, – глаза премьера потухли. Он сложил руки на груди и отошёл к окну.

– Вот. Картина. Я узнал... – Тихон снял плёнку и неуклюже сворачивал её одной рукой.

– Да, сегодня утром погиб мой старший сын, – Тутт одёр-

нул тяжёлую светомаскировочную штору.

Тихон уронил плёнку на пол. Тутт продолжал, не оборачиваясь:

– Пограничный инцидент. В новостях о нём не будет, конечно. И вы молчите, – премьер погрозил пальцем. – Тридцать два года. Майор спецназа.

Тихон присел, чтобы поднять полиэтилен. В этот момент Тутт резко обернулся к нему:

– Что по нашему делу? Картина?

– По нашему? – Тихон опешил. Он машинально перехватил картину снизу, разворачивая её к премьеру, и вздрогнул. Сзади картина выглядела, как и та, в галерее: фанера в жёлтых пятнах и чёрные буквы.

– Что ж, инспектор, поздравляю! Вы нашли вторую картину этого загадочного художника. Мы с Отто заинтригованы и очень заинтересованы в этом авторе и в его работах. Я вижу в них непереоценимую культурную ценность, государственное достояние! Что вы думаете, господин Хок? – Тутт погрузился в созерцание картины.

– Мне, честно сказать, трудно судить, я не знаток и не очень понимаю ажиотаж в галерее. Но...

– О, дорогой инспектор, это уже не человеческое искусство, а божественное, – премьер не отводил взгляда от картины. – Это вам не просто отражение природы, реальной или выдуманной. Это отображение сути вещей! Ключ! Ключ к взаимодействию личности с миром, с действительностью, с

космосом. Как струна заставляет звучать деку музыкального инструмента, так и абстрактная живопись приводит душу в движение, преумножает её восприимчивость к жизни мира, к дыханию Вселенной, если хотите. Обычный художник-абстракционист может ждать своего зрителя годами. Но есть гении, единицы, чьё письмо, как пуля снайпера, бьёт точно в заранее намеченную цель. Целью же может стать как некто персонально, так и целая психофизическая группа. И тогда реальность для них открывается с неожиданных, невиданных ранее ракурсов...

Речь премьера оборвалась, глаза его бегали по картине и он твердил: «Так! Так! Так!» Тихону будто лидокаин в мозг вкололи.

– Господин премьер-министр, мне кажется... Прошу прощения... Вы не ошиблись... Автор... Эмм...

– Что? А, нет. Вот его подпись: «икс, икс». И стиль, манера письма. Я вижу. Это он, нет сомнения.

– Но это картина моего сына...

– ? – Тутт поднял глаза на Тихона.

– Чёрт! Извините... Но эта подпись... – горло сжалось и Тихон хрипло выдавливал слова, – Это не... «икс, икс».

– То есть? – Тутт взял картину из рук Тихона и отнёс её на стол. – Ну же, продолжайте, инспектор!

– Это – «ха, ха», – Тихон тяжело сглотнул, – Харлампович Хок.

– Что же это получается? – Тутт продолжал изучать кар-

тину Харлампия под светом настольной лампы. – Вы сказали, что она в армии, верно?

– Так точно! Кто-то воспользовался его картинами и мастерской.

– Мастерской? Ага! И что, там ещё есть такие? – премьер показал на картину.

– Никак нет.

– Да что это с вами, инспектор?

– Извините, господин премьер-министр! Нет, больше нет, – Тихон сунул руки в карманы.

– Но так не пишут с нуля. Должны быть ещё эскизы, наброски, альбомы. Другие, менее удачные, работы. Иначе не бывает просто.

Тутт помолчал пару минут.

– Где служит ваш сын? – Тутт писал в ежедневнике: – Хок... Харлампий Тихонович.

– Не знаю, к сожалению, – Тихон потёр лоб. – Так быстро его призвали. Как-то. Раз и...

Тутт достал из стенного шкафа, спрятанного под отделкой стены, лёгкий пластиковый мольберт, установил на него картину и отошёл на три шага назад. Через секунду разулыбался, вскинул брови и радостно махнул Тихону рукой:

– Идите, инспектор, работайте. Я найду вашего сына. Вернём его домой.

Тихон пошёл к двери и, пока не закрыл её снаружи, слышал весёлый голос Тутта: «Так! Так! Так!»

Всю ночь Тихон просидел на подоконнике в кабинете. Курил трубку, искал логику в действиях картинных воров, рисовал схемы. Пол-литровый электрический чайник время от времени ворчливо кипятил воду, поплёвывая через треснувший носик. За перелеском мучалась бессонницей станция – свистела, лязгала, бубнила, принимая всё новые составы с грузами под брезентом.

Утром к бойлерной Лампика подтянулись лучшие криминалисты. Приехали Хлюппе и Гирия. Они подтвердили подлинность картины с маленьким монголом. Эксперты обследовали каждый миллиметр пола, труб, картины. Три немецкие овчарки засунули носы в каждую щель внутри бойлерной и обнюхали все щепки и кочки вокруг.

Как чёрт из табакерки возник Гавчус. Приехал, и всем стало неуютно. Даже его новый тёмно-синий лимузин нагло вылез перед остальными служебными машинами. В парадке Гавчус смотрелся эффектно. Фундаментально! Из машины он не «вышел», он «покинул её салон». Красноречивая пауза, и присутствующие сами потянулись на приветственное рукопожатие. Тихон отвернулся, сплюнул и достал сигарету.

– Хок! Пляши! – раздался над ухом голос начальника.

– Пфф! – Тихон встал к нему боком и затянулся.

– Ты теперь начальник УГРо, – Гавчус по обыкновению сменил тон с елея на сухарь.

Тихон страдальчески посмотрел на начальника:

– Что тебе надо от меня, Гавчус?

– Распоряжение премьера. Бумаги позже получишь. – Гавчус направился к машине.

– Артём! – крикнул вслед Тихон. – Запом ко мне пойдёшь?

– Наивная ты шкура, Хок, – Гавчус шёл, не оборачиваясь, – я теперь замминистра. Завтра утром вступай в должность и ко мне на совещание.

Тихон хмыкнул, глядя себе под ноги, и выбросил окурок.

На место лимузина Гавчуса подъехал специальный грузовик. На нём картину перевезли в галерею. Ночью премьер-министр уже передал вторую картину Харлампия. Как только с ней закончили эксперты, Хлюппе её выставил. В залах прибавилось розовощёких рядовых полицейских.

К пяти вечера Тихон добрёл до дома. Жена, вопреки обыкновению, его не встретила. На кухне задорным девичьим голосом вещал приёмник. Тихон устало опустился на банкетку и, развязывая шнурки, прислушался: «Сегодня состоялась встреча на уровне глав правительств... Заключить пограничный участок реки в набережную, что позволит предотвратить изменение русла в будущем и устранит причину приграничных споров между... Также пришли к соглашению о строительстве в этом месте моста и городов на обоих берегах... Армиям приказано распустить резервистов в течение семидесяти двух часов, а регулярные части вернуть

в места их постоянной дислокации не позднее...» Тихон выдохнул, привалился спиной к висящей сзади верхней одежде, и на него упала шуба жены. Тихон обхватил её, уткнулся лицом в мех и беззвучно засмеялся.

Гнусавая трель дверного звонка бесцеремонно напомнила Тихону, что расслабляться рано. Он нехотя встал, повесил шубу и отпер замок. Бравый фельдъегерь в блестящих коричневых сапогах извлёк из-под плащ-палатки красный почтовый пакет.

– Инспектор Хок?

– Да, – недоверчиво ответил Тихон.

– Попрошу документы!

Тихон залез во внутренний карман висевшей здесь же кожаной куртки и протянул фельдъегерю раскрытое удостоверение. Тот внимательно прочитал, сличил фото с «оригиналом» и кивнул:

– Дешеша от премьер-министра! Секретно! По прочтении вернуть доставившему! Копий не снимать! Не фотографировать! Вслух не читать!

Тихон взял пакет и открыл клапан. Внутри оказались два листа – копии каких-то документов. Большую часть слов скрывала чёрная затушёвка. Тихон прочитал оставшееся: «Дело №... Хок Харламбий Тихонович... Обвинение... самовольно оставил расположение части №... отсутствовал двое суток... Приговор... к расстрелу... в исполнение немедленно... перед строем... место захоронения не

разглашать...»

Тихон машинально вернул пакет и листы. Фельдъегерь отдал честь, собираясь уходить, но спохватился:

– Виноват! На словах передано, дословно: «Простите!»
Честь имею.

Замок щёлкнул, словно поставил точку. Тихон украдкой заглянул на кухню. Жена сидела на табуретке и всматривалась в стоящий у неё на коленях лист фанеры, испачканный сзади жёлтой краской. Тихон медленно зашёл жене за спину и взглянул на картину. Изящный стальной мост над неспешно текущей рекой соединял гранитные набережные. Вода, небо, все детали и штрихи изображения манили естественностью, и читать их можно было бесконечно. Тихон покачался и положил руку на плечо жены. На мгновение он почувствовал, как лёгкий ветер коснулся лица.

Сила красоты

– В твоём возрасте, – распекал Ваню отец, – я уже...

– Ладно тебе, Вить, – вяло заступалась мать, – школа только началась, устает он.

– Дома сделал бы хоть чего, – не унимался отец, – пусть вон машину помоем.

– Иди, Ванечка, помой машину, уважь папу, – обрадовалась мама возможности погасить скандал.

Вооруженный ведром и спецтряпкой Иван спустился во двор.

– Какую машину будешь мыть? – улыбнулась вечная бабулька у подъезда.

Ваня пожал плечами и побрел к стоянке.

Через час он вернулся чумазый и счастливый. Отец молча подошел к окну.

– Какого... – брови Виктора поползли вверх. – Вер! – резко позвал он.

– Ну, теперь что? – донёсся из кухни усталый вздох.

– Наш балбес Колькину машину помыл.

Вера посмотрела в окно. Рядом с их измученной, грязной «десяткой» сверкала отмытым красным металликком фундаментальная «Тойота – Тундра» соседа со второго этажа. Подойдя к сыну, Вера укоризненно поджала губы и покрутила пальцем у виска.

– Но папа же не сказал, какую машину помыть, а мне дяди-Колина больше нравится.

Мормышки

– Станислав Иваныч! Станислав Иванович!

– А? Чего тебе, Скворец?

– Что-то вы грустный, случилось чего?

– Случилось, Лёнька, случилось...

– Ладно, колитесь гражданин-пенсионер Тапарин, что за беда?

– Не, Лёнька, понимаешь, вчера ж воскресенье... Я по воскресеньям на Останкинский езжу. Рыбачить.

– Силён! И чё, щука сошла, да? У берега?

– Да какая щука, Скворец! Ты слушай! Приехал на пруд и понял, что мормышки на столе оставил.

– И что, поехали обратно домой?

– Поехал... Лучше бы не ездил...

– А что такое? Вам, Станислав Иваныч, сколько лет-то?

Вам подсказать или сами в паспорте посмотрите?

– Клоун ты, Лёнька... Помню я: восемьдесят один мне. И что, склероз это как армия, что ль? Восемнадцать – получите повестку?

– Будет вам убиваться-то, Станислав Иваныч, из-за каких-то мормышек! Вы рыбы-то наловили или не поехали уже?

– Да нет, поехал, наловил.

– Ну вот! Восемьдесят лет! Туда-сюда на рыбалку мотает-

ся, а из-за паршивых мормышек...

– Да при чём тут мормышки, Скворец?! Пропадом они пропади! Я домой приехал, смотрю, рядом с мормышками стопка стоит не выпитая. Представь! Налил и забыл выпить! Вот беда-то где!

История

История родилась мгновенно, как только бампер розового Опеля коснулся черного крыла Гелендвагена. История осматривалась, и всё вокруг её удивляло.

– И у тебя есть шанс стать удивительной, сказал некий господин, с виду похожий на восьмерку.

История улыбнулась невинной младенческой улыбкой и вопросительно посмотрела на помятое крыло внедорожника.

– Погоди-погоди, – приобнял её все тот же господин, – прежде чем начаться, тебе надо многое узнать и многое понять. Решить какой историей ты хочешь стать доброй, страшной, печальной, радостной, поучительной?

– А...

– Зови меня просто Время.

– Но...

– Знаешь, это тот случай, когда обо мне говорят: «Мгновение тянулось вечность». Если ты не хочешь закончить жизнь на словах: «Вот так история!», давай не будем торопиться. Позволь тебе представить! Пухлый неподвижный господин с руками разной длины это Часы, мой секретарь. Те низкорослые мужчины противной наружности в комбинезонах и с ящиками для инструментов случайности. Безвкусно покрашенные девицы, что курят на газоне перипетии. Сейчас эти

мужчина и женщина, – Время постучало по стеклу Гелендвагена, – выйдут из машин. Их глаза встретятся. Что ты предложишь им дальше? Вот, смотри, здесь уже собрались гнев, терпение, сострадание, учтивость, еще некоторые из их круга. Кого из них ты выберешь для своего продолжения? Что спросит мужчина: «Где ты права купила?» или «Вы не пострадали? С вами все в порядке?» А женщина? Будет строить из себя прожженную стерву: «Куда ты лезешь, козел?» или будет учливой и кроткой: «Простите, я вас не заметила.»? Твоё продолжение это целая жизнь. И даже не одного поколения.

– Да-да, он справится с гневом и будет галантен, а она вежлива. Они друг другу понравятся, – воодушевилась История. – Случайностей больше не надо. Они поженятся, у них будет четверо детей. И каждый их день наполнится радостью и любовью. И никаких перипетий не будет.

Девицы на газоне презрительно посмотрели на нее, открыв дымящиеся рты. Стройная, но ещё по-подростковому угловатая, история доверчиво улыбалась, и в ее сощуренных глазах играли блики счастья, а ямочки на щеках довели до слез, ходившее по тротуару, в толпе прохожих, умиление.

– Дорогуша, я погляжу, ты ещё такая наивная! – разочарованно вздохнуло Время. – Когда бы сказали: «Эта история произошла в то время...», мне было бы стыдно. Но ты же не хочешь стать бульварно-примитивной, верно? – Время ободряюще подмигнуло.

– Время такие истории не щадит, – шепнули Часы.

– Я исправлюсь, – пообещала растерянная История, пытаясь быть убедительной.

– Поторопись, пока Время не ушло, – Часы были полны энтузиазма. Они и сами часто пытались обогнать Время.

– Знаешь, милая, а ты права: перипетии тебе и правда не нужны, – Время задумалось и осматривало мизансцену: грузовик, тормозящий позади Опеля, автобус, меняющий полосу, уходя от столкновения с грузовиком, открытые рты любопытных пассажиров в попутных и встречных машинах. – У этих людей много чего было. В том числе и разные истории. Ты их уже не удивишь. А вот их близким ты еще можешь врезаться в память.

– Ой, да я ещё голая. Мне нечем вре... врезаться в память, – История недоумевала, пытаясь понять, что от неё требуется.

Время посмотрело на случайности и щелкнуло пальцами. Двое, схватив инструменты, бросились к грузовику.

– Время всегда находит решение, – Часы вновь уверенно пошли фиксировать передвижения шефа.

Грузовик из-за случайности затормозил слишком резко. Автобус не успел перестроиться и ударил его сзади в угол кузова. Грузовик развернуло поперек полосы. Он накренился, переворачиваясь, и на Опель с Гелендвагеном посыпались кирпичи.

– Мне теперь что, конец? – История в смятении едва сдер-

живала слезы.

– Нет, крошка, ну что ты! – Время смотрело, не отрываясь, на женскую туфельку среди битого кирпича. – Да, ты будешь маленькой, но посмотри, как на тебе идеально сидит это черное платье! Скоро тебя украсят жемчужными бусами подробностей, гранатовыми серьгами слухов и бриллиантовой диадемой домыслов. Некоторые тебя никогда не забудут: ты ранишь их сердца и станешь частью их жизни.

– И то верно! Чего тянуть? – воскликнули запыхавшиеся Часы, отсчитывая шаги уходящего Времени. – Со Временем любая история превращается в некролог!